

МАРГАРИТА ФУАРО

РАЗВОД
нельзя простить

Маргарита Фуаро

Развод нельзя простить

<https://litres.ru/74205672>

Аннотация

Пятнадцать лет назад Алиса поверила в любовь с первого прикосновения.

Он — самый популярный парень школы. Она — обычная девочка из маленького северного города. Школьный вальс, первая любовь, общий путь, брак... и мечта, которую они вместе увезли покорять Москву.

Они были идеальной парой. Пока однажды всё не разрушилось.

Предательство. Ложь. И правда, которая звучит слишком больно.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так...

Но есть вещи, которые невозможно простить.

И есть любовь, за которую придётся заплатить слишком высокую цену.

Развод — это конец. Или только начало?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Тогда всё только начиналось	6
Глава 2. Со мной — получится	20
Глава 3. Первая любовь не спрашивает разрешения	39
Глава 4. Мы выбрали друг друга	54
Глава 5. Город, который проверяет любовь	79
Глава 6. То, что нельзя объяснить	102
Глава 7. Имя, которое всё меняет	128
Глава 8. Беременна	147
Глава 9. Теперь нас двое	171
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Пролог

— Развод... нельзя простить, Ром.

Мой голос звучал тише, чем я ожидала. Почти спокойно.

Почти чужим.

Он стоял у окна, спиной ко мне. Как всегда, когда не хотел смотреть в глаза.

— Алиса, давай без драм... — устало выдохнул он. — Мы взрослые люди.

Взрослые.

Смешно.

Пятнадцать лет назад он держал меня за руку так, будто боялся потерять.
А сейчас — будто уже отпустил.

— Без драм? — я тихо усмехнулась. — Ты правда думаешь, что можно **изменить**, разрушить всё... и потом просто сказать “без драм”?

Он резко обернулся.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так.

Вот и всё.

Не “мне жаль”.
Не “я виноват”.
А только — *не хотел, чтобы ты узнала.*

Что-то внутри меня в этот момент окончательно треснуло.

— А как ты хотел, Ром? — я сделала шаг к нему. — Чтобы я продолжала варить тебе кофе, пока ты спишь с другой?

Он молчал.

И это молчание было громче любых слов.

Я кивнула.

— Тогда слушай меня внимательно... — голос вдруг стал твёрдым. — Я подаю на развод.

Пауза.

— И знаешь, что самое страшное?

Он напрягся.

— Я ведь правда тебя любила.

Глава 1. Тогда всё только начиналось

Иногда мне кажется, что моя жизнь началась не в день рождения.

Не тогда, когда мама впервые взяла меня на руки. Не тогда, когда я пошла в первый класс с огромным белым бантом и букетом, который был почти выше меня.

А в тот день, когда он протянул мне руку.

Обычный день. Самый обычный.

Серое небо за окнами школы. Мокрый снег, который никак не мог решить, быть ему дождём или зимой. Скрипучие батареи в коридорах. Запах мела, старого паркета и дешёвых булочек из столовой.

Наш маленький северный город жил своей привычной жизнью: все всех знали, все обо всех говорили, и любая новость расходилась быстрее, чем звонок на перемену.

Мне было пятнадцать.

Возраст, когда сердце ещё не умеет защищаться. Когда одно случайное слово может поднять тебя до неба, а один равнодушный взгляд — уничтожить на весь день.

Я сидела за последней партой и делала вид, что решаю задачу по алгебре.

На самом деле я смотрела в окно.

Смотрела на школьный двор, где старшеклассники толпились у входа, смеялись, толкались, бросали снежки друг в друга. И среди них был он.

Рома.

Роман Лебедев.

Имя, которое тогда казалось мне почти запретным.

Я даже мысленно произносила его осторожно, будто боялась, что кто-то услышит.

Он стоял у крыльца, засунув руки в карманы тёмной куртки. Высокий. Уверенный. С этой своей лёгкой улыбкой, от которой у половины девчонок в школе начинали глупо блесть глаза.

И я их понимала.

Потому что сама была такой же.

Стоило ему пройти по коридору, как воздух будто менялся. Девочки начинали говорить громче, смеяться звонче, поправлять волосы, делать вид, что им совершенно всё равно.

А мне хотелось стать невидимой.

Потому что если Рома вдруг смотрел в мою сторону, у меня внутри всё сжималось так, будто я стояла на краю крыши.

— Алиса, ты вообще меня слышишь?

Я вздрогнула.

Подруга ткнула меня локтем в бок и выразительно посмотрела на открытую тетрадь.

— Что? — я моргнула.

— Я говорю, ты идёшь на репетицию?

— Какую ещё репетицию?

Она закатила глаза так, будто я только что спросила, зачем людям воздух.

— Вальс, Алиса. Выпускной у одиннадцатых, школьный вечер, помнишь? Нас же попросили помочь. Тебя поставили в пару.

Я нахмурилась.

— С кем?

Она вдруг расплылась в такой улыбке, что у меня сразу стало нехорошо.

— С Ромой.

Мир на секунду замер.

Даже гул класса куда-то отодвинулся.

— Что? — прошептала я.

— С Ромой, — повторила она уже тише, но с таким удовольствием, будто лично устроила мне судьбу. — С тем самым Ромой. Поздравляю, ты теперь главная счастливица школы.

Я почувствовала, как уши становятся горячими.

— Я не пойду.

— Пойдёшь.

— Нет.

— Алиса.

— Я упаду.

— Не упадёшь.

— Наступлю ему на ногу.

— Ну наступишь. Он переживёт.

— Я буду выглядеть идиоткой.

— Ты уже выглядишь идиоткой, потому что сидишь с таким лицом, будто тебя ведут на казнь.

Я закрыла тетрадь и обхватила её руками, как щит.

— Он даже не знает, кто я.

Подруга фыркнула.

— Конечно знает. Вы в одной школе учитесь девять лет.

— Это не значит, что он знает меня.

— Сегодня узнает.

Эта фраза почему-то прозвучала как приговор.

После уроков я долго стояла у двери спортзала и не решалась войти.

За стеной играла музыка. Кто-то смеялся, кто-то спорил, учительница физкультуры громко хлопала в ладоши и командовала: «Не сбиваемся! Раз-два-три! Раз-два-три!»

Я прижала ладонь к холодной ручке двери.

Сердце билось так быстро, будто я не в спортзал собиралась войти, а в новую жизнь.

И, как оказалось, именно туда я и вошла.

В зале было шумно и душно. На полу блестели потёртые линии разметки. Возле стены стояли девочки, поправляли юбки и перешёптывались. Парни изображали, что им всё равно, но то и дело косились на свои пары.

А он стоял у окна.

Рома.

Разговаривал с кем-то из старших, смеялся и выглядел так свободно, будто весь этот мир был создан исключительно для него.

Уверенные плечи. Чуть растрёпанные тёмные волосы. Прямой взгляд.

Я сразу поняла, что ошиблась дверью.

Не потому что вошла не туда.

А потому что рядом с такими, как он, таким, как я, не место.

Я уже сделала шаг назад.

— Алиса?

Голос прозвучал спокойно. Низко. Совсем рядом.

Я застыла.

Медленно обернулась.

Рома смотрел прямо на меня.

Не сквозь. Не мимо. Не случайно.

На меня.

— Ты моя пара, да?

Господи.

У меня мгновенно пересохло во рту.

— Д-да, кажется.

Он усмехнулся краешком губ.

— Кажется?

— То есть... да. Наверное.

— Хорошо, — сказал он так, будто всё было просто. — Тогда идём.

Он подошёл ближе.

Слишком близко.

От него пахло морозом, мятной жвачкой и чем-то ещё — тёплым, чужим, мальчишеским. Я вдруг совершенно отчётливо поняла, что не знаю, куда деть руки.

Рома протянул ладонь.

— Давай попробуем.

Я посмотрела на его руку.

Большая. Тёплая, наверное. Уверенная.

Я смотрела на неё так, будто он предлагал мне не танцевать, а шагнуть с обрыва.

— Алиса, — он чуть наклонил голову. — Ты боишься?

— Нет.

Ответ прозвучал так неубедительно, что он улыбнулся шире.

— Врёшь.

Я вспыхнула.

— Я просто не умею.

— Я тоже когда-то не умел.

— Но сейчас умеешь.

— Значит, научу.

В его голосе не было насмешки. И это почему-то испугало меня ещё сильнее.

Если бы он смеялся, я могла бы обидеться. Если бы смотрел свысока, я могла бы разозлиться. Но он говорил так, будто действительно не видел в этом проблемы.

Будто я не была неловкой тихой девочкой с последней парты.

Будто я могла быть его парой.

Я вложила свою ладонь в его.

И всё.

Это было всего лишь прикосновение.

Пальцы к пальцам. Ладонь к ладони.

Но именно в тот момент что-то внутри меня щёлкнуло.

Так тихо, что никто вокруг не услышал.

И так громко, что я потом вспоминала этот звук всю жизнь.

Музыка заиграла снова.

— Раз-два-три, — негромко сказал Рома. — Смотри на меня, а не под ноги.

— Я наступлю тебе.

— Наступишь — переживу.

— Ты потом будешь смеяться.

— Не буду.

— Все будут.

Он чуть крепче сжал мою руку.

— Алиса.

Я подняла глаза.

Он смотрел серьёзно.

— Смотри на меня.

И я посмотрела.

Ошибка.

Потому что в его глазах было что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание. Не любовь, конечно. Какая там любовь. Мы почти не знали друг друга.

Но внимание.

Настоящее.

Полное.

Такое, будто в эту секунду в шумном спортзале существовала только я.

— Вот так, — тихо сказал он. — Теперь шаг назад.

Я шагнула.

Неловко.

Почти споткнулась.

Рома удержал меня так легко, будто заранее знал, что я сорвусь.

— Видишь? — он усмехнулся. — Не упала.

— Это пока.

— А ты упрямая.

— Я реалистка.

— Нет. Ты заранее сдаёшься.

Я хотела возмутиться, но не нашлась что сказать.

Потому что он был прав.

Я всегда заранее сдавалась.

Не поднимала руку на уроке, даже если знала ответ. Не спорила, даже если была уверена. Не подходила первой. Не просила. Не верила, что меня могут выбрать.

Особенно такие, как он.

— Почему ты молчишь? — спросил Рома.

— Думаю.

— Обо мне?

Я резко сбилась с шага и всё-таки наступила ему на ногу.

Он тихо рассмеялся.

— Прости! — выдохнула я в ужасе.

— Всё. Теперь мы официально знакомы.

— Ты ненормальный.

— Возможно.

Я впервые улыбнулась.

Осторожно. Почти незаметно.

Но он увидел.

И почему-то от этого стало ещё страшнее.

Мы танцевали снова и снова. Музыка обрывалась, учительница делала замечания, кто-то путался, кто-то хохотал. А я постепенно переставала слышать зал.

Был только счёт.

Раз-два-три.

Его рука на моей талии.

Раз-два-три.

Его пальцы, уверенно держащие мои.

Раз-два-три.

Его голос рядом:

— Не бойся.

И я не боялась.

Впервые за очень долгое время.

К концу репетиции у меня болели ноги, горели щёки и кружилась голова. Я отошла к стене, пытаюсь сделать вид, что всё в порядке, хотя внутри всё летело, падало, поднималось и снова летело.

Подруга тут же оказалась рядом.

— Ну? — прошипела она. — Что он сказал?

— Ничего.

— Алиса.

— Правда ничего.

— Ты красная.

— Мне жарко.

— Он держал тебя за талию.

— Это вальс.

— Он смотрел на тебя.

Я отвернулась.

— Он на всех смотрит.

Но сама в это не верила.

Потому что когда я украдкой глянула в его сторону, Рома уже смотрел на меня.

И не отвёл взгляд.

Наоборот — улыбнулся.

Не всем.

Не залу.

Мне.

У меня внутри снова всё опасно дрогнуло.

После репетиции я вышла из школы одной из последних.

На улице уже темнело. Фонари горели мутными жёлтыми кругами, снег скрипел под ногами, а ветер забирался под воротник.

Я шла быстро, прижимая к груди портфель, и пыталась убедить себя, что ничего особенного не произошло.

Просто танец.

Просто школьная репетиция.

Просто Рома Лебедев, который завтра снова пройдёт по коридору мимо и даже не вспомнит, как держал меня за руку.

— Алиса!

Я остановилась так резко, что чуть не поскользнулась.

Он догнал меня у ворот.

Без куртки нараспашку, будто мороз его вообще не касался.

— Ты быстро ходишь, — сказал он.

— Я домой.

— Я понял.

Неловкая пауза.

Я не знала, что нужно говорить в таких случаях. Поэтому сказала первое, что пришло в голову:

— Тебе в другую сторону.

Рома посмотрел на дорогу, потом на меня.

— Сегодня — в эту.

— Зачем?

— Провожу.

— Не надо.

— Надо.

Он сказал это спокойно. Без давления. Но так, будто уже решил.

И самое ужасное — мне это понравилось.

Мне понравилось, что кто-то решил идти рядом. Что кто-то не спросил у всех вокруг, достойна ли я его внимания. Что кто-то просто выбрал.

Меня.

Мы пошли молча.

Снег падал на волосы, на ресницы, на рукава. Я смотрела под ноги и чувствовала, что Рома идёт совсем близко. Слишком близко для просто одноклассника. Слишком спокойно для парня, из-за которого сходила с ума половина школы.

— Ты всегда такая тихая? — спросил он.

— Какая?

— Будто боишься сказать лишнее.

— Может, мне просто нечего говорить.

— Не верю.

Я покосилась на него.

— Почему?

— У тебя глаза не молчат.

Я чуть не споткнулась снова.

— Странная фраза.

— Зато честная.

— Ты со всеми так разговариваешь?

— Как?

— Будто... всё знаешь заранее.

Он усмехнулся.

— Не всё.

— А что знаешь?

Рома остановился у моего подъезда.

Старый дом, облупленная дверь, тёмные окна первого этажа, знакомая трещина на стене. Мой обычный мир.

И он в этом мире выглядел почти невозможным.

Рома сунул руки в карманы и посмотрел на меня так внимательно, что мне захотелось спрятаться за воротник.

— Знаю, что ты завтра придёшь на репетицию.

— Я ещё не решила.

— Решила.

— Самоуверенный.

— Немного.

— Очень.

Он улыбнулся.

— Тогда докажи, что я ошибаюсь.

Я должна была сказать что-то резкое. Должна была развернуться, уйти, закрыть за собой дверь и забыть этот день как странный сон.

Но я стояла.

Смотрела на него.

И понимала: если завтра не приду, буду жалеть.

— Я подумаю, — сказала я.

— Подумай.

Он сделал шаг ближе.

Не настолько, чтобы коснуться.

Но настолько, чтобы я снова перестала дышать ровно.

— И, Алиса...

— Что?

— У тебя получится.

— Что именно?

— Всё.

Я тогда не поняла, насколько опасными бывают такие слова.

Когда тебе пятнадцать, ты веришь легко.

Особенно если говорит тот, кто держал тебя за руку так, будто не позволит упасть.

Я поверила.

Слишком быстро.

Слишком сильно.

Слишком надолго.

И много лет спустя, стоя перед тем же человеком уже не девочкой, а женщиной с разбитым сердцем, я всё ещё помнила тот первый снег.

Его ладонь.

Его голос.

И свою глупую, светлую уверенность: с ним у меня правда всё получится.

Глава 2. Со мной — получится

— Ты опять где-то не здесь, — тихо сказал Рома.

Музыка уже закончилась, пары вокруг нас начали расходиться, кто-то смеялся, кто-то спорил с учительницей из-за шагов, кто-то тащил к стене стулья. А я всё ещё стояла посреди спортзала, держа его за руку.

Вернее, это он держал меня.

Тепло. Уверенно. Так, будто имел на это право.

И самое страшное — я не хотела, чтобы он отпускал.

От этой мысли стало так стыдно, что я резко выдернула ладонь и прижала её к себе.

— Прости, — пробормотала я. — Я просто задумалась.

Рома чуть наклонил голову и посмотрел на меня с лёгкой улыбкой.

— Обо мне?

— Нет!

Ответ получился слишком быстрым.

Он усмехнулся.

— Значит, обо мне.

— Ты слишком самоуверенный.

— А ты слишком плохо врёшь.

Я вспыхнула так сильно, что, кажется, покраснели даже уши. Захотелось развернуться и уйти. Или спрятаться за штору. Или вообще никогда больше не приходить на эти ду-

рацкие репетиции.

Но Рома не смеялся зло.

В этом и была проблема.

Он смотрел на меня внимательно. Не так, как смотрят на странную тихую девчонку, случайно оказавшуюся рядом. И не так, как мальчишки смотрели на девчонок, когда хотели показать друзьям, какие они крутые.

Нет.

Он будто правда пытался понять, что происходит у меня внутри.

А я сама не понимала.

— Ты боишься меня? — спросил он вдруг.

Я подняла глаза.

— Нет.

— Врёшь.

— Ты постоянно говоришь, что я вру.

— Потому что ты постоянно врёшь.

— Неправда.

— Правда.

Я возмущённо вдохнула, но он поднял ладони, будто сдаётся.

— Ладно. Не боишься. Просто дрожишь, когда я беру тебя за руку. Краснеешь, когда я смотрю. И почти не дышишь, когда я подхожу ближе.

У меня внутри всё провалилось.

— Я нормально дышу!

— Сейчас — нет.

— Рома!

Он рассмеялся. Тихо, легко, будто ему действительно было весело, но не надо мной — вместе со мной.

И это сбивало с ног сильнее, чем любая насмешка.

— Хорошо, — сказал он мягче. — Не буду.

Он сделал шаг назад.

Всего один.

Но между нами вдруг стало холодно.

Как будто он забрал с собой не только своё тепло, но и тот странный, сияющий круг, в котором я на несколько минут почувствовала себя другой.

Не серой.

Не незаметной.

Не девочкой с последней парты.

А той, на кого смотрят.

Той, кого выбирают.

— Ты всегда так? — вырвалось у меня.

Рома удивлённо приподнял бровь.

— Как?

— Уверен во всём.

Он сунул руки в карманы спортивных брюк и пожал плечами.

— Не во всём.

— В людях?

— Тем более нет.

— Тогда в чём?

Он посмотрел куда-то в сторону, где учительница уже собирала список пар на следующую репетицию. Потом снова на меня.

— В том, что чувствую.

Я замерла.

Почему-то эта фраза прозвучала слишком серьёзно для школьного спортзала, пахнущего лаком для пола, пылью и мокрой одеждой.

— И что ты сейчас чувствуешь? — спросила я, сама не понимая, зачем.

Рома молчал.

Секунда.

Две.

Три.

Я уже пожалела, что спросила. Хотела отвернуться, сказать что-нибудь глупое, перевести всё в шутку.

Но он вдруг произнёс совершенно спокойно:

— Что ты будешь моей девушкой.

Мир остановился.

Нет, правда.

Шум зала куда-то исчез. Даже музыка, которую снова включили для другой пары, стала далёкой, будто играла за стеной.

Я смотрела на Рому и не могла выдохнуть.

— Что? — прошептала я.

Он улыбнулся. Не широко. Не насмешливо. Так, будто сказал что-то очевидное.

— Ты будешь моей девушкой.

— Ты... — Я запнулась. — Ты вообще нормальный?

— Более чем.

— Мы почти не знакомы!

— Исправим.

— Ты не можешь просто так говорить такие вещи.

— Почему?

— Потому что... потому что так не делают!

Он склонил голову набок.

— А как делают?

Я открыла рот.

И закрыла.

Потому что не знала.

В моих представлениях признания должны были быть другими. В кино — под дождём. В книгах — после долгих взглядов, случайных касаний и красивых слов. В жизни, на-верное, ещё сложнее.

А Рома стоял передо мной так спокойно, будто просто со-общил расписание на завтра.

Ты будешь моей девушкой.

И всё.

— А если я не соглашусь? — наконец выдавила я.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— согласишься.

— Самоуверенный, — повторила я, но уже тише.

— Возможно.

— Это не ответ.

— Зато честно.

Я хотела разозлиться.

Очень хотела.

Потому что он не имел права быть таким уверенным. Не имел права так легко заходить в мою жизнь, будто дверь давно была открыта. Не имел права смотреть на меня так, будто уже знает все мои страхи и всё равно не собирается уходить.

Но вместо злости внутри поднималось что-то другое.

Тёплое.

Опасное.

Глупое.

Надежда.

— Алиса! — позвала учительница. — Не стойте посреди зала, следующая пара!

Я вздрогнула, будто меня поймали на чём-то запретном.

Рома отступил первым.

— Завтра придёшь?

— Не знаю.

— Знаешь.

— Рома...

— Придёшь, — сказал он. — Я буду ждать.

И ушёл к своим друзьям так легко, будто не перевернул только что весь мой мир.

А я осталась стоять на месте.

С глупым сердцем, которое билось слишком быстро.

С ладонью, которая всё ещё помнила его пальцы.

И с фразой, которая крутилась в голове снова и снова.

Ты будешь моей девушкой.

Я не помню, как вышла из спортзала.

Серьёзно.

Помню только, как подруга схватила меня за рукав прямо в коридоре.

— Ну?!

— Что “ну”?

— Не делай вид, что ничего не произошло! — Она посмотрела на меня такими глазами, будто я только что вернулась с другой планеты. — Он с тобой разговаривал. Долго. Очень долго. Что он сказал?

Я прижала портфель к груди.

— Ничего особенного.

— Алиса.

— Правда.

— У тебя лицо, как у человека, которому предложили выйти замуж и сразу родить троих детей.

— Замолчи!

— Так! — она ахнула. — Значит, что-то было!

Я закрыла глаза ладонью.

— Он сказал...

— Что?

— Что я буду его девушкой.

На секунду стало тихо.

Потом подруга завизжала так, что из соседнего кабинета выглянула уборщица.

— Ты с ума сошла? — прошипела я. — Тише!

— Это ты с ума сошла! Рома Лебедев сказал, что ты будешь его девушкой?!

— Не ори!

— А ты что ответила?

— Ничего.

— Как это ничего?

— Я растерялась!

Она схватила меня за плечи и встряхнула.

— Алиса, соберись. Такие моменты не повторяются дважды. Если самый популярный парень школы говорит тебе такое, надо хотя бы не молчать как рыба.

— А если он пошутил?

Подруга замерла.

Её восторг на мгновение стал мягче.

— Он не выглядел так, будто шутит.

— Ты видела?

— Все видели.

Я почувствовала, как внутри похолодело.

Все.

Вот это слово ударило неприятно.

Потому что наш маленький город, наша школа, наши ко-

ридоры — они не умели молчать. Если кто-то на перемене уронил телефон, об этом знали через пять минут. Если кто-то кому-то улыбнулся — через десять уже обсуждали свадьбу.

А если Рома Лебедев вдруг заговорил с Алисой Соколовой...

Я даже представить боялась, что начнётся завтра.

— Я не хочу, чтобы обо мне говорили, — прошептала я.

Подруга вздохнула.

— О тебе и так говорят.

— Что?

— Ну... — Она замялась. — Сегодня говорили.

— Кто?

— Девочки из параллельного. Они видели, как он держал тебя за руку.

Сердце неприятно сжалось.

— И что?

— Ничего.

— Говори.

Она поморщилась.

— Сказали, что ты ему не пара.

Я опустила глаза.

Вот.

Конечно.

Так и должно было быть.

Глупо было даже на секунду поверить, что я могу стоять

рядом с ним и никто не удивится.

Рома был ярким.

А я привыкла жить в тени.

— Алиса, — подруга тронула меня за руку. — Не слушай их.

— Я и не слушаю.

Но это была ложь.

Я слушала.

Слишком внимательно.

На следующий день я почти не спала.

Всю ночь ворочалась, глядя в потолок, и думала о том, что скажу Роме, если он снова подойдёт. Репетировала в голове спокойные ответы. Уверенные. Достойные.

“Мне нужно подумать”.

“Не надо так давить”.

“Мы почти не знаем друг друга”.

“Ты просто играешь”.

Утром всё это рассыпалось.

Потому что стоило мне войти в школу, как на меня посмотрели.

Не все, конечно.

Но достаточно.

Две девочки у окна замолчали, когда я прошла мимо. Кто-то хихикнул за спиной. Парень из одиннадцатого класса кивнул Роме и что-то сказал ему на ухо.

Рома обернулся.

Увидел меня.

И улыбнулся.

Просто.

Открыто.

Так, будто ему было совершенно всё равно, кто смотрит.

Он оттолкнулся плечом от стены и пошёл ко мне.

У меня внутри началась паника.

Бежать было поздно.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— Ты пришла.

— Вообще-то я здесь учусь.

Он усмехнулся.

— На репетицию придёшь?

— Не знаю.

— Алиса.

— Что?

— Ты опять врёшь.

Я раздражённо посмотрела на него.

— А ты опять решаешь за меня.

Он стал серьёзнее.

— Не решаю.

— Правда?

— Правда. Я просто вижу, что ты хочешь прийти, но боишься.

Это было так точно, что я не нашлась с ответом.

Рома чуть наклонился ближе.

— Кто-то что-то сказал?

Я резко подняла глаза.

— Нет.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Значит, сказал.

— Рома, не надо.

— Кто?

— Не надо, — повторила я уже жёстче.

Впервые за всё время его лицо изменилось.

Улыбка исчезла.

И я вдруг увидела другого Рому.

Не того, который шутит, танцует и легко держит за руку.

А того, кто может разозлиться.

Того, кто привык защищать своё.

И почему-то от этого по спине пробежал холодок.

— Я сама справлюсь, — сказала я.

Он молчал.

Потом кивнул.

— Хорошо.

Я выдохнула.

— Хорошо?

— Да. Но если кто-то тебя обидит — скажешь мне.

— Я не маленькая.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь так, будто я...

— Потому что мне не всё равно.

Эта фраза ударила сильнее, чем вчерашнее “ты будешь моей девушкой”.

Мне не всё равно.

Никто ещё не говорил мне этого так.

Не между делом. Не из вежливости. Не потому, что так надо.

А с такой простой уверенностью, будто моё настроение, мои страхи, мои слёзы — уже имеют для него значение.

Я отвернулась первой.

— Мне на урок.

— После школы я жду тебя у ворот.

— Зачем?

— Провожу домой.

— Я сама могу.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Он улыбнулся краем губ.

— Потому что сегодня — я.

И ушёл, оставив меня посреди коридора с бешено бьющимся сердцем.

После уроков я специально задержалась.

Сначала долго собирала учебники. Потом помогла дежурным стереть доску. Потом сделала вид, что ищу тетрадь, хотя она лежала у меня в портфеле.

Я надеялась, что он уйдёт.

Очень надеялась.

Почти.

Потому что другая часть меня хотела, чтобы он остался.

И он остался.

Когда я вышла из школы, Рома стоял у ворот. В тёмной куртке, с руками в карманах, спокойный, будто мог ждать сколько угодно.

Рядом с ним крутились двое его друзей. Один что-то рассказывал, второй смеялся. Но когда Рома увидел меня, он сразу оттолкнулся от ограды.

— Я думала, ты уйдёшь, — сказала я, подходя.

— А я сказал, что буду ждать.

— Ты всегда выполняешь обещания?

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Важные — да.

Эта фраза почему-то запомнилась мне на всю жизнь.

Хотя потом я не раз спрашивала себя: в какой момент его обещания перестали быть важными?

Мы пошли по знакомой дороге.

Снег за ночь стал плотнее, под ногами поскрипывал наст. Воздух был морозным, щипал щёки. Над крышами домов висело бледное солнце, будто кто-то забыл выключить тусклую лампу.

Мы молчали.

Но это молчание не было пустым.

Я чувствовала его рядом каждой клеточкой. Его шаг. Его

плечо почти у моего. Его взгляд, когда он думал, что я не замечаю.

— Почему я? — спросила я вдруг.

Рома не сразу ответил.

— Потому что ты не такая, как все.

Я фыркнула.

— Это самая обычная фраза, которую говорят, когда не знают, что сказать.

— А ты обычная?

Я замолчала.

Он повернул голову и посмотрел на меня.

— Ты думаешь, что тебя не видно.

— Что?

— Прячешься. Молчишь. Сидишь подальше. Отвечаешь тихо. Смотришь в окно, когда все смотрят на доску.

Я остановилась.

— Ты замечал?

— Да.

— Зачем?

Он усмехнулся, но на этот раз без привычной наглости.

— Не знаю. Сначала случайно. Потом уже специально.

У меня перехватило дыхание.

— Ты странный.

— Мне часто говорят.

— И самоуверенный.

— Это тоже.

— И слишком быстро всё решаешь.

Он сделал шаг ближе.

— А ты слишком долго боишься.

Я хотела возразить.

Но не смогла.

Потому что это было правдой.

Я боялась.

Боялась насмешек. Боялась поверить. Боялась, что завтра Рома передумает, а я останусь с этим глупым светом внутри. Боялась, что для него это игра, а для меня уже что-то большое.

Слишком большое.

— Ты не знаешь меня, — сказала я тихо.

— Узнаю.

— А если тебе не понравится?

— Понравится.

— Ты не можешь быть уверен.

— Могу.

— Почему?

Он остановился у моего подъезда.

Старый дом с облупленной дверью, кривой лавочкой и вечным запахом сырости в подъезде. Мой мир. Простой, тесный, обычный.

И Рома в нём — почти невозможный.

Он повернулся ко мне.

— Потому что рядом с тобой мне спокойно.

Я моргнула.

— Серьёзно?

— Да.

— Но ты же... ты.

— Это что значит?

— Ну... популярный. У тебя друзья. Девчонки вокруг.

Все тебя знают.

— И что?

— А я...

— А ты — Алиса.

Он сказал это так, будто моего имени было достаточно.

Будто мне не нужно было быть красивее, громче, смелее, заметнее.

Будто я уже была кем-то.

Я почувствовала, как к горлу подступают слёзы, и испугалась. Только не это. Только не перед ним.

— Ну что? — спросил Рома тише. — Ты будешь моей девушкой?

Вот оно.

Снова.

Только теперь не в шумном спортзале, где можно было спрятаться за музыкой и чужими голосами.

Теперь мы стояли одни.

И от ответа было некуда деться.

Я смотрела на него и понимала: если скажу “да”, всё изменится.

В школе.

Дома.

Во мне.

Я уже не смогу притворяться, что он просто парень с репетиции. Не смогу делать вид, что его рука ничего не значит. Не смогу вернуться в свою тихую, безопасную незаметность.

— А если не получится? — спросила я почти шёпотом.

Рома улыбнулся.

Очень мягко.

Так, что у меня сжалось сердце.

— Со мной получится.

И я поверила.

Господи, как же легко я тогда поверила.

Я кивнула.

— Да.

Он не бросился меня обнимать. Не засмеялся. Не стал торжествовать.

Просто взял меня за руку.

Не для танца.

Не потому что так сказала учительница.

А сам.

По-настоящему.

Его пальцы сомкнулись на моих, и в этот момент мир будто стал другим. Снег — светлее. Воздух — теплее. Даже старый подъезд за моей спиной показался не таким унылым.

— Теперь ты моя, — сказал он тихо.

Я должна была насторожиться.

Наверное, должна была.

Но тогда эти слова показались мне самыми красивыми на свете.

Я улыбнулась.

— А ты мой?

Рома посмотрел на меня так, будто ответ был очевиден.

— Конечно.

И я снова поверила.

В его “конечно”.

В его “получится”.

В его “я буду ждать”.

Всё самое страшное в жизни начинается не с крика.

Иногда оно начинается с тёплой ладони.

С первого “да”.

И с мальчика, который обещает, что рядом с ним у тебя точно всё получится.

Глава 3. Первая любовь не спрашивает разрешения

Любовь не приходит тихо.

Она не стучится в дверь, не спрашивает, готова ли ты, не ждёт, пока ты станешь смелее, красивее, увереннее.

Она просто случается.

Врывается в жизнь, как весенний ветер в открытую форточку, разбрасывает по комнате все аккуратно сложенные мысли, путает планы, заставляет улыбаться в пустоту и ждать сообщений так, будто от них зависит дыхание.

И однажды ты просыпаешься — уже не той.

Я проснулась именно такой.

Словно за одну ночь во мне что-то изменилось. Вчера я была обычной Алисой Соколовой, тихой девочкой с последней парты, которая старалась не попадаться никому на глаза. А сегодня...

Сегодня у меня был Рома.

Эти слова казались такими невероятными, что я боялась произносить их вслух.

У меня был Рома Лебедев.

Самый заметный парень в школе. Тот, на кого оглядывались в коридорах. Тот, кому улыбались девочки из старших классов. Тот, рядом с кем я раньше даже стоять боялась.

А теперь он ждал меня после уроков.

Писал первым.

Провожал домой.

И называл своей.

— Алиса, ты опять улыбаешься в тетрадь.

Я вздрогнула и резко захлопнула тетрадь, будто там было написано что-то неприличное.

— Я не улыбаюсь.

Подруга прищурилась.

— Улыбаешься. Причём уже минут десять. У нас контрольная по химии, а у тебя лицо такое, будто тебе стихи читают.

— Ничего подобного.

— Подобного-подобного. — Она наклонилась ближе и заговорщически прошептала: — Рома написал?

Я почувствовала, как щёки тут же вспыхнули.

Предательские щёки. Всегда выдавали меня раньше, чем я успевала придумать достойный ответ.

— Нет.

— Покажи телефон.

— Ещё чего.

— Значит, написал.

Я отвернулась к окну, делая вид, что страшно увлечена серым школьным двором.

На самом деле в кармане формы лежал телефон. И в нём — сообщение, которое я уже перечитала раз двадцать.

“После уроков жду тебя. Не задерживайся, моя тихоня.”

Моя тихоня.

Глупость.

Всего два слова.

Но у меня от них внутри всё становилось мягким, тёплым, почти невесомым.

— Ты изменилась, — сказала подруга уже тише.

Я посмотрела на неё.

— В смысле?

— В прямом. Раньше тебя было не вытащить никуда. Ты всё время сидела с книгами, молчала, пряталась. А теперь... светишься.

— Не выдумывай.

— Не выдумываю. Ты правда светишься.

Я хотела возразить, но не смогла.

Потому что, наверное, она была права.

Я и правда чувствовала себя так, будто внутри меня кто-то зажёл маленькую лампу. И она горела даже тогда, когда вокруг было темно, холодно и страшно.

Рома будто открыл во мне другую Алису.

Ту, которая могла смеяться громче обычного. Ту, которая ждала перемен не с тревогой, а с нетерпением. Ту, которая по утрам дольше смотрела в зеркало и впервые в жизни думала не “лишь бы никто не заметил”, а “а вдруг он заметит?”.

— Мы просто встречаемся, — пробормотала я.

Подруга фыркнула.

— Просто? Алиса, он провожает тебя каждый день. Он стоит у класса, пока ты выходишь. Он смотрит на тебя так, будто остальные люди вокруг — мебель. Это уже не “просто”.

Я опустила глаза.

Потому что мне нравилось, как она это сказала.

Нравилось думать, что Рома правда видит только меня.

Хотя я прекрасно знала: это не так.

Его видели все.

И он тоже видел всех.

Видел девочек, которые специально громко смеялись, когда он проходил мимо. Видел старшеклассниц, которые задерживали на нём взгляд дольше, чем нужно. Видел Лену из параллели — красивую, уверенную, с длинными волосами и такой походкой, будто весь коридор принадлежал ей.

И каждый раз, когда я замечала эти взгляды, внутри что-то неприятно сжималось.

Я старалась не показывать.

Улыбалась.

Делала вид, что мне всё равно.

Но сердце у пятнадцатилетней девочки — плохой актёр. Оно выдаёт всё сразу.

— Ты ревнуешь? — вдруг спросила подруга.

Я резко повернулась.

— Нет.

Она посмотрела на меня с таким выражением, что спорить

стало бессмысленно.

— Ну... немного, — призналась я.

— Нормально. Я бы на твоём месте вообще кусалась.

Я невольно улыбнулась.

— Очень мудрый совет.

— Зато рабочий.

После уроков я вышла из класса почти последней.

Не потому, что задержалась нарочно. Просто долго собирала учебники, поправляла шарф, искала ручку, которая лежала прямо передо мной. Я сама себя раздражала.

Рома ждал у входа.

Как всегда.

Только в этот раз — не один.

Рядом с ним стояла Лена.

Та самая.

Красивая, спокойная, слишком уверенная в себе. На ней даже школьная форма сидела так, будто еёшили специально для обложки журнала. Она что-то рассказывала Роме, чуть склонив голову, и смеялась.

А потом легко коснулась его плеча.

Будто это было нормально.

Будто она имела право.

Я замедлила шаг.

Внутри неприятно кольнуло. Быстро, остро, почти больно.

Рома что-то ответил ей и тоже усмехнулся.

Я остановилась у двери.

В этот момент мне захотелось исчезнуть. Развернуться, уйти через запасной выход, сделать вид, что я забыла что-то в классе. Что угодно, только не подходить к ним.

Потому что рядом с Леной я снова почувствовала себя прежней.

Незаметной.

Неловкой.

Не той.

Но Рома увидел меня почти сразу.

Его лицо изменилось. Улыбка стала другой — теплее, мягче. Он выпрямился и позвал:

— Алиса! Иди сюда.

Лена обернулась.

Её взгляд скользнул по мне быстро. Не зло. Не откровенно пренебрежительно. Но так, что я всё равно почувствовала себя оценённой.

И, кажется, оценку получила невысокую.

Я подошла.

— Привет, — сказала я, стараясь говорить ровно.

— Привет, — Лена улыбнулась. — Ты Алиса, да?

Я кивнула.

— Рома о тебе рассказывал.

Сердце на секунду дрогнуло.

— Да?

— Конечно, — ответил Рома раньше неё.

И вдруг обнял меня за плечи.

Просто взял и притянул ближе. При всех. В школьном коридоре. На глазах у Лены, у своих друзей, у девчонок у окна.
— Это моя девушка, — сказал он.

Моя девушка.

Эти слова должны были сделать меня счастливой.

И сделали.

На секунду.

Я почувствовала его руку на своём плече, его тепло рядом, его уверенность — и внутри всё расцвело.

Но где-то глубже всё равно осталось маленькое острое “но”.

Потому что Лена улыбнулась.

Слишком спокойно.

— Я поняла, — сказала она. — Рада знакомству.

— Я тоже, — ответила я.

И сама услышала, как неубедительно это прозвучало.

Когда Лена ушла, Рома взял мой портфель из рук, будто это было само собой разумеющимся.

— Пойдём?

Я кивнула.

Мы вышли из школы.

На улице было морозно. Снег под ногами стал плотным и скрипучим. Небо висело низко, серое, тяжёлое. Ветер щипал щёки, но я почти его не чувствовала.

Я молчала.

Рома сначала тоже ничего не говорил. Шёл рядом, иногда поглядывал на меня, будто ждал, когда я сама начну.

Я не начинала.

Наконец он усмехнулся:

— Ты обиделась?

— Нет.

— Алиса.

Вот это его “Алиса” всегда выбивало из меня ложь.

Тихое. Почти ласковое. Но такое, будто он уже всё понял.

— Я не обиделась, — сказала я. — Просто...

— Что?

Я сжала пальцы в карманах.

Сказать было стыдно.

Молчать — ещё хуже.

— Почему она тебя трогала?

Рома остановился.

Я тоже.

На дороге мимо нас проехала машина, подняв серую снежную кашу у обочины. Где-то во дворе хлопнула железная дверь.

— Кто? Лена?

Я кивнула.

Он посмотрел на меня сначала с удивлением. Потом с чем-то похожим на улыбку.

— Она просто разговаривала.

— Она коснулась твоего плеча.

— И?

Это “и?” обожгло.

Я подняла на него глаза.

— И тебе было нормально.

Рома перестал улыбаться.

На совсем короткую секунду его лицо стало другим. Не злым. Нет. Но более жёстким. Закрытым.

— Тебе это не понравилось?

— А должно было?

Голос дрогнул. Я ненавидела себя за это.

Рома шагнул ближе.

— Эй. — Он говорил мягко, но в глазах появилось что-то внимательное, почти изучающее. — Это ничего не значит.

— Для тебя — может быть.

Он выдохнул.

— Алиса, я с тобой.

— Сейчас — да.

Фраза вырвалась сама.

Я тут же пожалела.

Потому что Рома замер.

А потом спросил:

— Ты мне не доверяешь?

Тихо.

Но в этом тихом вопросе было что-то опасное.

Будто я вдруг оказалась на тонком льду и не знала, какой шаг станет последним.

— Я... — Я растерялась. — Я не это имела в виду.

— А что?

Он смотрел прямо на меня.

Не сердито. Не грубо.

Но так, будто ждал правильный ответ.

И я испугалась.

Не его.

Нет.

Я испугалась потерять то, что только-только получила.

Его внимание. Его тепло. Его “моя”. Его руку, которая больше не держала мой портфель, а просто висела рядом.

— Ничего, — быстро сказала я. — Прости. Это глупо.

Он молчал ещё секунду.

Длинную.

Потом выражение его лица смягчилось. Рома снова стал моим Ромой — тёплым, уверенным, почти родным.

— Глупо, — согласился он.

И почему-то от этого слова мне стало больше, чем я ожидала.

Он притянул меня к себе, обнял за плечи и легко поцеловал в макушку.

— Не накручивай себя. Я же выбрал тебя.

Я кивнула.

Хотя внутри что-то всё ещё ныло.

Выбрал.

Красивое слово.

Только почему-то в нём слышалось не только счастье, но и страх.

Вечером он написал мне первым.

“Не думай о ерунде. Ты же знаешь — ты у меня одна.”

Я лежала на кровати, укрывшись пледом почти до носа, и смотрела на экран.

Одна.

У него одна.

Я перечитала сообщение снова.

Потом ещё раз.

И постепенно тревога отступила. Не исчезла совсем, но стала тише. Маленькой. Почти неважной.

Я напечатала:

“Знаю ♥#”

Стерла.

Снова написала.

“Знаю.”

Посмотрела на точку в конце и почему-то испугалась, что звучит холодно.

Добавила сердечко.

“Знаю ♥#”

Отправила.

И улыбнулась.

Потому что тогда правда верила.

Верила сообщениям. Верила словам. Верила, что если человек выбрал тебя, то уже не передумает. Что “моя” — это

про любовь, а не про власть. Что ревность — это просто глупость, которую нужно спрятать подальше, чтобы не разрушить счастье.

Через неделю он впервые поцеловал меня.

Это случилось не так, как я представляла.

Не под дождём. Не под музыку. Не на школьном вечере, где всё красиво и торжественно.

А возле моего старого подъезда, на холодной лавке с облупленной краской.

Был вечер. Фонарь над нами мигал, снег тихо падал на рукава курток. Из соседнего окна пахло жареной картошкой. Где-то за домом лаяла собака.

Совершенно не романтично.

И совершенно незабываемо.

Мы сидели рядом. Рома держал мои руки в своих, потому что я забыла перчатки и пыталась доказать, что мне не холодно.

— У тебя пальцы ледяные, — сказал он.

— Нормальные.

— Алиса.

— Ну холодные. Немного.

— Упрямая.

— Сам такой.

Он усмехнулся.

А потом вдруг замолчал.

Я почувствовала его взгляд и подняла глаза.

— Что?

— Ничего.

— Ты так смотришь, будто что-то задумал.

— Может быть.

Сердце сразу забилося быстрее.

— Рома...

— Что?

— Не смотри так.

— Как?

— Будто... не знаю.

Он наклонился ближе.

— Будто хочу тебя поцеловать?

Я перестала дышать.

Вот просто взяла и забыла, как это делается.

— Я... — Я сглотнула. — Ты...

Он улыбнулся. Но не насмешливо.

Ласково.

Почти нежно.

— Можно?

Этот вопрос почему-то ударил сильнее, чем если бы он просто взял и сделал.

Я кивнула.

Совсем чуть-чуть.

И он поцеловал меня.

Осторожно.

Тепло.

Так, будто мир правда мог подождать.

Я не знала, куда деть руки. Не знала, правильно ли закрыла глаза. Не знала, слышит ли он, как бешено стучит моё сердце.

Но знала одно: я больше никогда не буду прежней.

Когда Рома отстранился, я не сразу открыла глаза.

Боялась, что если открою, всё исчезнет.

Но он был рядом.

Настоящий.

Смеющийся тихо, почти беззвучно.

— Теперь точно моя, — прошептал он.

Я попыталась спрятать улыбку.

— А раньше была не твоя?

— Была. — Он провёл большим пальцем по моей щеке.

— Просто теперь официально.

— Сам придумал — сам утвердил?

— Конечно.

— Самоуверенный.

— Зато честный.

Я рассмеялась.

И в тот момент была счастлива так сильно, что это почти болело.

Мне казалось, вот она — любовь.

Не книжная. Не выдуманная. Настоящая.

Когда тебя ждут после уроков.

Когда берут за руку.

Когда называют своей.

Когда целуют у старого подъезда, а тебе кажется, что весь город стал красивее.

Я тогда ещё не знала, что первая любовь редко спрашивает разрешения.

Она входит без стука.

Забирает всё.

И если однажды уходит — оставляет после себя не пустоту.

А рану.

Но в тот вечер я не думала о боли.

Я думала только о Роме.

О его ладонях.

О его губах.

О его тихом:

— Ты у меня одна.

И верила.

Так сильно, как умеют верить только те, кого ещё ни разу по-настоящему не предавали.

Глава 4. Мы выбрали друг друга

Время умеет быть странным.

Когда ты несчастна, оно тянется липко и бесконечно. Каждая минута становится тяжёлой, как мокрая одежда на плечах. Ты считаешь часы, дни, недели — и кажется, что ничего никогда не изменится.

А когда ты счастлива...

Время срывается с места.

Несётся.

Пролетает так быстро, что ты не успеваешь запоминать лица, разговоры, улицы, сезоны. Только потом, много лет спустя, пытаешься собрать всё по кусочкам и понять: где именно начался тот поворот, после которого дорога уже не могла вернуть тебя назад?

Тогда я не думала о поворотах.

Я думала о РOME.

О наших руках, которые почти всегда были сцеплены. О его куртке на моих плечах. О школьных коридорах, где я больше не пыталась стать невидимой, потому что рядом с ним меня всё равно замечали.

Мы стали неразлучными.

Учителя качали головами. Подруга смеялась. Девочки из параллели шептались за спиной. Но мне уже было почти всё равно.

Почти.

Потому что Рома каждый день выбирал меня.

Подходил ко мне при всех. Забирал мой портфель. Ждал возле класса. Провожал домой. Целовал у подъезда так, будто старые стены, чужие окна и случайные прохожие ничего не значили.

— Ты совсем другая стала, — сказала однажды подруга, когда мы сидели в раздевалке после физкультуры.

Я завязывала шнурок и подняла на неё глаза.

— Какая другая?

— Ну... живая.

— Спасибо, конечно.

— Я серьёзно. Раньше ты будто всё время ждала, что тебя кто-то одёрнет. А сейчас улыбаешься.

Я отвернулась, чтобы она не заметила, как мне стало тепло.

— Просто всё хорошо.

— Из-за Ромы?

Я промолчала.

Она вздохнула.

— Алиса, только не растворяйся в нём совсем.

— Я не растворяюсь.

— Растворяешься.

Я тогда обиделась.

Мне казалось, она просто не понимает. Не понимает, что такое любовь. Настоящая. Первая. Большая. Та, в которой

хочется быть не отдельно, а вместе. Дышать одним воздухом. Думать одними мечтами. Идти туда, куда идёт он, потому что без него любая дорога кажется пустой.

Сейчас я знаю: подруга была права.

Но в пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет правду чаще всего принимаешь за зависть.

Мы росли вместе.

Школа подходила к концу. Последние месяцы одиннадцатого класса были похожи на длинное прощание. Все вдруг стали слишком громкими, слишком важными, слишком взрослыми. Девочки обсуждали платья на выпускной. Парни делали вид, что им всё равно, но тоже волновались. Учителя говорили о будущем так, будто оно уже ждало нас за дверью с раскрытым журналом и собиралось поставить оценку.

Я боялась.

Не экзаменов.

Не выпускного.

Не даже того, что всё изменится.

Я боялась, что изменимся мы.

Что школьная любовь не выдержит взрослой жизни. Что Рома поступит куда-то далеко, познакомится с новыми людьми, с красивыми уверенными девушками, которые не будут краснеть от каждого его взгляда и цепляться за его слова, как за спасение.

Однажды вечером мы сидели на лавочке возле моего

подъезда.

Той самой, облувленной, скрипучей, ставшей почти нашей.

Весна уже растопила снег, но земля ещё пахла холодом. В окнах зажигался свет. Где-то во дворе мальчишки гоняли мяч, и каждый удар глухо отдавался в тишине.

Рома сидел рядом, закинув руку на спинку лавки. Его пальцы лениво касались моего плеча. Я смотрела на свои кеды и никак не могла решиться спросить.

— Ты опять думаешь слишком громко, — сказал он.

Я усмехнулась.

— Это как?

— У тебя лицо становится серьёзным. Будто ты уже похоронила нас, родила троих детей и развелась.

Я резко посмотрела на него.

— Рома!

Он рассмеялся и притянул меня ближе.

— Ну что? Говори.

— Куда ты поступаешь?

Он пожал плечами.

— Ещё думаю.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что думаю.

— А если... — Я замялась. — Если мы поступим в разные города?

Он посмотрел на меня.

Сначала спокойно.

Потом чуть мягче.

— Ты этого боишься?

Я кивнула.

Мне было стыдно, но врать ему я уже почти не умела.

— Алиса, — сказал он и взял мою руку. — Куда ты — туда и я.

Сердце сжалось.

Слишком резко.

Слишком сладко.

— Не шути так.

— Я не шучу.

— Ром, это же твоя жизнь.

Он усмехнулся.

— Вот именно. И в ней есть ты.

Иногда человеку достаточно одной фразы, чтобы отдать ему ещё несколько лет своей жизни.

Я тогда ещё не знала этого.

Я только смотрела на него и чувствовала, как страх становится меньше. Не исчезает совсем, но отступает. Потому что Рома снова сказал то, что я так хотела услышать.

Мы вместе.

Мы справимся.

Мы выберем друг друга.

— А если я ошибусь с университетом? — спросила я.

— Тогда ошибёмся вместе.

— Так нельзя.

— Почему?

— Потому что ты потом будешь жалеть.

Он чуть нахмурился.

— Я сам решу, о чём мне жалеть.

В его голосе на секунду прозвучала жёсткость.

Тогда я не обратила внимания.

Вернее, обратила, но сразу оправдала.

Он просто не любит, когда за него решают.

Он просто сильный.

Он просто мой.

Мы поступили в один университет.

Не самый престижный. Не тот, о котором мечтают в столице. Обычный городской университет с длинными коридорами, облупившимися стенами, строгими преподавателями и вечной очередью в буфете.

Но для нас он стал началом взрослой жизни.

В первый день я пришла слишком рано.

В новой блузке, которую мама гладила утром с таким видом, будто отправляла меня не на пары, а в замужнюю жизнь. С сумкой, набитой тетрадями, ручками и страхом. Я стояла у входа и смотрела на незнакомых людей.

Все казались взрослее меня.

Смелее.

Свободнее.

Девушки смеялись, обнимались, знакомились так легко,

будто всю жизнь только этим и занимались. Парни спорили о расписании, кто-то уже звал кого-то пить кофе после пар.

А я снова почувствовала себя той девочкой с последней парты.

До того момента, как Рома появился рядом.

— Ну что, студентка? — Он забрал у меня сумку. — Готова покорять мир?

— Я готова вернуться домой.

— Поздно. Я тебя уже привёл.

— Ты ужасный.

— Зато красивый.

Я не выдержала и улыбнулась.

Он наклонился ближе, быстро поцеловал меня в висок и прошептал:

— Не бойся. Я рядом.

И я снова перестала бояться.

С ним всё было проще.

Первые месяцы университета были странными. Новые группы, новые правила, преподаватели, которые уже не относились к нам как к детям. Никто не следил, пришёл ты или нет. Никто не напоминал, что завтра контрольная. Никто не говорил, что жизнь только начинается.

Она просто началась.

И оказалась совсем не такой, как в мечтах.

Я уставала.

После пар ехала домой, помогала маме, учила конспекты,

писала работы до ночи. Иногда засыпала прямо над тетрадью, а утром просыпалась с отпечатком ручки на щеке.

Рома держался легче.

Он быстро сошёлся с ребятами. Его все знали уже через пару недель. Он мог прийти в любую компанию и через десять минут стать там своим. Преподаватели его запоминали. Девушки улыбались.

А я снова училась не ревновать.

— Ты чего такая тихая? — спросил он однажды после пар.

Мы шли по университетскому двору. Октябрьский ветер гонял жёлтые листья по мокрому асфальту. Рома нёс мою сумку на одном плече и выглядел так, будто ему всё легко.

— Устала.

— Или опять накрутила?

— Я не накручиваю.

Он остановился.

— Алиса.

Я выдохнула.

— Сегодня на лекции эта девушка... Катя, кажется... она всё время с тобой разговаривала.

Рома закатил глаза.

— Господи.

Меня будто холодной водой окатили.

— Что?

— Ничего. Просто опять началось.

— Что началось?

— Ревность на пустом месте.

Я сжала губы.

— Я просто сказала.

— Нет, ты не просто сказала. Ты сейчас хочешь, чтобы я оправдывался за разговор на лекции.

— Я не хочу, чтобы ты оправдывался.

— А чего хочешь?

Хороший вопрос.

Я и сама не знала.

Наверное, хотела, чтобы он сам сказал: “Мне никто не нужен, кроме тебя”.

Хотела, чтобы заметил мой страх и обнял, а не раздражался.

Хотела перестать чувствовать себя временной.

— Ничего, — сказала я.

Рома посмотрел на меня несколько секунд.

Потом вздохнул, обнял за плечи и притянул к себе.

— Маленькая моя. Ну что ты вечно боишься?

Я уткнулась лбом в его куртку.

— Не знаю.

— Я с тобой.

— Знаю.

— Тогда всё.

Вот так он решал мои тревоги.

Коротко.

Уверенно.

Будто если он сказал “всё”, то внутри меня правда должно было всё закончиться.

Иногда заканчивалось.

Иногда нет.

Но я училась молчать.

Потому что любила его. Потому что не хотела быть той девушкой, которая всё портит. Потому что боялась однажды услышать: “Ты меня достала”.

Сейчас я думаю, что именно тогда во мне впервые появилась привычка проглатывать боль.

Маленькую.

Незаметную.

Как рыбью кость.

Она царапала изнутри, но жить вроде не мешала.

Зато хорошие дни перекрывали всё.

Рома встречал меня после пар. Иногда приносил кофе в бумажном стаканчике — слишком сладкий, потому что он никак не мог запомнить, сколько сахара я люблю. Иногда забирал меня с остановки, если шёл дождь. Иногда звонил поздно ночью и говорил:

— Спишь?

— Уже почти.

— Не спи. Я хочу твой голос.

И я говорила с ним шёпотом под одеялом, пока мама не стучала в стену и не просила наконец-то лечь нормально.

Мы мечтали.

О квартире.

О городе побольше.

О работе, где будут платить не копейки.

О путешествиях.

О том, что однажды у нас будет кухня с большим окном, и по утрам я буду готовить сырники, а он — ворчать, что опаздывает, но всё равно съесть три штуки.

— Мы уедем отсюда, — сказал он однажды.

Мы лежали у него дома на старом диване. Его родители уехали к родственникам, квартира была тихой, и от этого всё казалось почти взрослым. За окном шёл дождь, капли стекали по стеклу длинными дорожками.

Я лежала у него на груди и слушала сердце.

— Куда?

— В Москву.

Я подняла голову.

— Серьёзно?

— А почему нет?

— Это же... Москва.

— И что?

— Большая. Чужая. Дорогая.

— Зато там жизнь.

— А здесь?

Рома усмехнулся.

— Здесь болото.

Я нахмурилась.

— Не говори так.

— А что? Разве нет? Все друг друга знают, все копаются в чужой жизни, работы нормальной нет. Я не хочу всю жизнь торчать здесь.

— А если не получится?

Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то смешное.

— Получится.

— Ты не можешь знать.

— Могу.

— Рома...

Он приподнялся на локте.

— Ты со мной или нет?

Вопрос прозвучал неожиданно резко.

Я замерла.

— Конечно с тобой.

— Тогда зачем сомневаешься?

— Я не сомневаюсь в тебе. Я просто боюсь.

— А я не хочу, чтобы ты боялась. Я хочу, чтобы ты верила.

Я кивнула.

Потому что другого ответа у меня не было.

Я верила.

Очень старалась верить так, как ему нужно.

Через год после поступления он предложил мне переехать к нему.

Это произошло обычным вечером.

Никаких свечей. Никакой музыки. Никаких красивых слов, заранее продуманных и выученных.

Мы сидели на кухне в его квартире. Его родители снова уехали — они часто бывали в разъездах, и Рома почти жил один. На столе стояли две кружки чая, тарелка с печеньем и мой конспект, который я пыталась читать, но ничего не понимала, потому что он гладил меня большим пальцем по запястью.

— Алиса, — сказал он вдруг.

— М?

— Ты ведь всё равно рано или поздно съедешь от родителей.

Я подняла глаза.

— К чему ты?

— Переезжай ко мне.

Кухня будто стала тише.

Даже холодильник перестал гудеть.

— Ром...

— Что?

— Ты сейчас серьёзно?

— Конечно.

— Но... мы же учимся. И это...

— Что?

— Это уже по-настоящему.

Он усмехнулся.

— А сейчас у нас что? Репетиция?

Я растерялась.

— Не в этом дело.

— А в чём?

В том, что я боялась.

В том, что мама сойдёт с ума.

В том, что жить вместе — это не просто целоваться у подъезда и мечтать о Москве.

Это видеть друг друга сонными, раздражёнными, уставшими. Это считать деньги. Мыть посуду. Делить шкаф. Ссориться не на час, а на ночь, потому что уйти каждому к себе уже не получится.

Это быть взрослыми.

А я ещё не была уверена, что умею.

Рома подошёл ближе. Присел передо мной на корточки и взял мои ладони.

— Алиса, — сказал он мягко. — Я хочу засыпать с тобой. И просыпаться. Каждый день.

У меня сжалось сердце.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Да.

— А если мы не справимся?

Он улыбнулся.

— Тогда научимся.

Вот так просто.

Тогда научимся.

И снова фраза, которой мне хватило.

Мама плакала.

Не громко. Не истерично. Просто сидела на кухне, сжимала чашку и смотрела на меня так, будто я не вещи собираюсь перевозить, а уходила из детства навсегда.

— Алиса, ты уверена?

— Да.

— Ты ещё такая молодая.

— Мам, мне уже восемнадцать.

— Восемнадцать — это не взрослая. Это только кажется.

Я обняла её за плечи.

— Я люблю его.

Мама закрыла глаза.

— Любовь — это не всегда причина торопиться.

— Он хороший.

— Я знаю.

— Тогда почему ты так говоришь?

Она долго молчала.

Потом погладила меня по волосам, как в детстве.

— Потому что хороший человек тоже может сделать больно.

Я отстранилась.

— Рома не сделает.

Мама посмотрела на меня так грустно, что я разозлилась.

Сейчас понимаю: она не пророчила беду.

Она просто была старше.

Она уже знала то, чего я знать не хотела.

Я переехала через две недели.

У меня было две сумки: одежда, книги, тетради, старая мягкая игрушка, которую я спрятала на самое дно, чтобы Рома не смеялся. Мама помогла сложить постельное бельё, дала кастрюлю, полотенца и пакет с едой, будто я уезжала в другую страну.

Рома встретил меня у подъезда.

— Это всё? — спросил он, забирая сумки.

— А что, мало?

— Я думал, девушки переезжают с грузовиком.

— Могу вернуться и взять ещё.

— Даже не думай.

Он поцеловал меня прямо на лестнице.

И я снова почувствовала: всё правильно.

Первое утро вместе было неловким.

Я проснулась раньше.

Лежала на боку и смотрела на него.

На растрёпанные волосы. На расслабленное лицо. На тёмные ресницы. На руку, которую он во сне закинул мне на талию, будто даже во сне проверял, рядом ли я.

За окном светало. В комнате было прохладно. Где-то на кухне тихо капал кран.

И мне казалось, что я попала в чужую мечту.

Это моя жизнь.

Моя.

Не книжная. Не выдуманная.

Рома рядом. Его дыхание. Его тепло. Наше одеяло. Наши вещи на стуле. Моя зубная щётка в его ванной.

— Ты что так смотришь? — вдруг пробормотал он, не открывая глаз.

Я вздрогнула.

— Я не смотрю.

Он открыл один глаз.

— Врёшь.

Я улыбнулась.

— Просто непривычно.

Он притянул меня к себе.

— Привыкай.

— К чему?

— Ко мне.

Я засмеялась ему в плечо.

И привыкла.

Слишком быстро.

Мы учились жить вместе.

И это было совсем не похоже на красивые картинки.

Рома мог оставить кружку на столе и забыть о ней на два дня.

Я могла обидеться из-за того, что он не заметил, как я убралась.

Он разбрасывал носки.

Я занимала половину ванной своими баночками.

Он любил спать до последнего.

Я вставала заранее и злилась, что он потом бежит по квартире, роняет ключи, ищет телефон и кричит:

— Алиса, ты не видела мои наушники?

— Там, где ты их бросил!

— А где я их бросил?

— Рома!

Мы ссорились из-за мелочей.

— Почему ты опять оставил тарелку в комнате?

— Я потом уберу.

— Ты всегда говоришь “потом”.

— Потому что уберу потом.

— Потом — это никогда!

— Алиса, это тарелка, а не конец света.

— Для тебя всё не конец света!

— Потому что я нормальный человек!

— А я ненормальная?

Он замолкал.

Я замолкала.

Пять минут мы ходили по квартире так, будто между нами выросла стена.

А потом Рома подходил сзади, обнимал меня за талию и утыкался носом в шею.

— Иди сюда.

— Я злюсь.

— Я вижу.

— Тогда не трогай меня.

— Не могу.

— Рома...

— Я без тебя не умею.

И всё.

Вся моя злость таяла.

Не потому что проблема исчезала.

А потому что он говорил именно то, что попадало в самое сердце.

Я без тебя не умею.

Как после такого продолжать злиться?

Но были и другие моменты.

Те, которые я тогда не понимала.

Или не хотела понимать.

Иногда он задерживался.

Сначала редко.

Потом чаще.

— Где ты был? — спрашивала я, когда он приходил поздно.

— С ребятами.

— Почему не написал?

— Забыл.

— Ты никогда раньше не забывал.

Он раздражённо выдыхал, снимал куртку и проходил на кухню.

— Алиса, ну не начинай.

Эти три слова я потом возненавижу.

Не начинай.

Будто мои чувства — это скандал.

Будто вопрос — уже обвинение.

Будто я должна была молчать, потому что иначе сама всё испорчу.

— Я просто волновалась, — говорила я.

— Я не ребёнок.

— Я знаю.

— Тогда не контролируй меня.

— Я не контролирую.

— А что это?

Я снова замолкала.

Потому что не хотела ссор.

Потому что он был уставший.

Потому что, может, я правда слишком тревожная.

Потому что любила.

И потому что рядом с ним я уже не представляла себя отдельно.

Зато потом он снова становился прежним.

Приносил мои любимые булочки.

Целовал в плечо, пока я мыла посуду.

Засыпал, положив голову мне на колени.

Говорил:

— Ты же знаешь, я всё равно к тебе возвращаюсь.

И я верила.

Хотя теперь понимаю: возвращаться — не значит быть

верным.

Возвращаться — не значит беречь.

Возвращаться иногда значит просто знать, где тебя при-
мут.

Предложение он сделал неожиданно.

Без пафоса.

Без ресторана.

Без кольца в бокале.

Обычный вечер.

Я готовила ужин. На плите шипела сковородка, в комнате тихо работал телевизор, Рома сидел за кухонным столом и листал что-то в телефоне. Я была в домашней футболке, с собранными кое-как волосами и пятном муки на рукаве.

Самый неподходящий момент для судьбоносных слов.

— Алиса, — сказал он.

— М?

— Выходи за меня.

Я замерла.

Лопатка в руке повисла над сковородкой.

— Что?

Он поднял глаза от телефона.

Спокойный.

Слишком спокойный.

— Выходи. За меня.

Я медленно повернулась.

— Ром... ты сейчас серьёзно?

— Более чем.

— Но ты... — Я растерянно огляделась, будто где-то за холодильником должны были прятаться свечи, цветы, музыка и доказательство, что это не шутка. — Ты даже не встал на одно колено.

Он усмехнулся.

— Хочешь — встану.

И начал подниматься.

— Нет! — Я почти рассмеялась, но голос дрогнул. — Не надо.

Слёзы появились мгновенно.

Глупые. Горячие.

Я мечтала об этом? Наверное.

Каждая девочка, которая любит впервые и навсегда, мечтает однажды услышать эти слова.

Но когда они прозвучали, мне стало страшно.

Потому что “замуж” — это уже не просто жить вместе.

Это не ссора из-за кружки.

Не ревность к однокласснице.

Не мечты о Москве на старом диване.

Это фамилия. Документы. Семья. Навсегда.

— Это же на всю жизнь, — прошептала я.

Рома подошёл ближе.

— Я знаю.

— Ты уверен?

Он смотрел на меня.

И вдруг между вопросом и ответом возникла пауза.

Совсем маленькая.

Почти незаметная.

Может быть, он просто вдохнул.

Может быть, подбирал слова.

Может быть, мне показалось.

Но эта пауза была.

Я почувствовала её кожей.

Как сквозняк из щели в закрытом окне.

— Да, — сказал он наконец. — Уверен.

И я сделала то, что делала всегда.

Поверила.

Не паузе.

Не сомнению.

Ему.

— Да, — выдохнула я.

Рома улыбнулся.

С облегчением.

С радостью.

Или мне очень хотелось думать, что с радостью.

Он притянул меня к себе, крепко обнял, и я уткнулась лицом ему в грудь. Сковородка за моей спиной продолжала шипеть, ужин почти подгорел, телевизор бормотал какую-то ерунду, а я плакала и смеялась одновременно.

— Ну вот и всё, — сказал он мне в волосы.

— Что “всё”?

— Ты моя жена.

Я подняла голову.

— Ещё нет.

— Уже да.

— Сам решил?

— Конечно.

Я улыбнулась.

Тогда эти слова всё ещё казались милыми.

Моя.

Моя девушка.

Моя жена.

Моя Алиса.

Я не слышала в них ничего опасного.

Только любовь.

Только принадлежность, которую принимала за близость.

Только обещание, которое казалось вечным.

Позже, много позже, я буду вспоминать тот вечер.

Сковородку.

Его телефон на столе.

Моё пятно муки на рукаве.

Его паузу перед словом “уверен”.

И думать: может быть, именно тогда всё уже было решено?

Может быть, он уже не был уверен?

Может быть, “навсегда” треснуло ещё до того, как я сказала “да”?

Но в тот вечер я ничего этого не знала.

Я стояла в его объятиях и была счастлива.

Так счастлива, что даже не услышала, как внутри нашей любви появилась первая настоящая трещина.

Глава 5. Город, который проверяет любовь

Москва встретила нас не так, как в мечтах.

Я почему-то думала, что всё будет иначе.

Наверное, слишком много фильмов. Слишком много красивых историй, где герои приезжают в большой город, выходят из машины с чемоданами, поднимают головы к сияющим небоскрёбам и понимают: вот она, новая жизнь.

Наша Москва была другой.

Серой.

Холодной.

Уставшей.

Моросил мелкий дождь, больше похожий на сырость, которая не падала с неба, а висела в воздухе. Машины стояли в пробке, раздражённо сигналили, люди спешили мимо, не глядя по сторонам. Никому не было дела до нас. До двух молодых людей с двумя чемоданами, коробкой посуды и огромной верой в то, что любовь способна выдержать всё.

— И это всё? — тихо спросила я, оглядывая двор.

Двор был узкий, зажатый между одинаковыми многоэтажками. Облупленные стены, мокрый асфальт, старые качели, на которых давно никто не качался, мусорные баки у подъезда и чьи-то окна, где чужая жизнь уже давно устроилась и

не собиралась нас впускать.

Рома вытащил чемодан из багажника и усмехнулся.

— А что ты хотела? Красную дорожку?

Я посмотрела на него.

— Не знаю. Просто думала... будет как-то...

— Как в кино? — он захлопнул багажник. — Добро пожаловать в реальность, Алиса.

Слова были обычные.

Даже, наверное, справедливые.

Но почему-то от них стало холодно.

Не от дождя. Не от ветра, который тут же забрался под воротник пальто.

А от его тона.

Раньше, если я боялась, Рома говорил: “Я рядом”.

Если сомневалась — “У нас получится”.

Если молчала — брал за руку.

А теперь будто сам город успел пройти сквозь него раньше меня. Сделал его жёстче. Собранный. Чужим.

— Я просто волнуюсь, — сказала я тихо.

Он подхватил вторую сумку.

— Все волнуются. Пойдём, пока не промокли.

Квартира оказалась маленькой.

Очень маленькой.

Я знала, что мы не снимем дворец. Знала, что денег у нас немного. Знала, что Москва дорогая и капризная, а молодая семья без связей и стабильной работы никому тут не нужна.

Но знать — одно.

А стоять посреди комнаты, где диван занимал почти половину пространства, — совсем другое.

Кухня была такая, что если один открывал холодильник, второй уже должен был выйти в коридор. Окно смотрело в стену соседнего дома, и в чужих окнах было видно всё: женщина в халате мыла посуду, мужчина курил на кухне, ребёнок прыгал на диване.

Вид на чужую жизнь.

Не на мечту.

— Зато своё, — сказал Рома, бросая ключи на стол.

Я провела пальцами по старой клеёнке, на которой остались следы от горячей кружки.

— Съёмное, — поправила я.

Он посмотрел на меня.

— Алиса.

Я тут же пожалела, что сказала.

— Я не в плохом смысле. Просто...

— Просто опять ищешь, что не так?

Я замерла.

— Нет.

— Тогда давай без этого. Мы только приехали.

Он говорил не грубо.

Но в голосе была усталость. И раздражение. И ещё что-то, чего я не хотела слышать.

Я заставила себя улыбнуться.

— Да. Ты прав. Всё нормально.

Рома подошёл, обнял меня за плечи и поцеловал в висок.

— Вот и умница.

Раньше от этих слов мне становилось тепло.

В тот день почему-то кольнуло.

Умница.

Будто я хорошо сдала экзамен на удобство.

Первые дни мы разбирали вещи.

Я раскладывала тарелки, протирала полки, пыталась сделать чужую квартиру нашей. Поставила на подоконник маленький цветок, который привезла из дома. Повесила полотенце с вышитыми ромашками. Разложила книги на нижней полке старого шкафа.

Рома сначала смеялся.

— Ты серьёзно притащила сюда это растение?

— Это не “это растение”. Это фикус.

— Он выглядит как палка с листьями.

— Рома!

— Ладно-ладно. Пусть живёт.

Он обнял меня сзади, пока я ставила цветок ближе к свету.

— Если он переживёт Москву, значит, и мы переживём.

Я улыбнулась.

— Переживём.

Тогда это казалось шуткой.

А потом я не раз вспоминала эти слова.

Москва действительно проверяла.

Каждый день.

На терпение.

На деньги.

На веру.

На любовь.

Работы не было.

Вернее, вакансий было много. Объявления висели везде: сайты, чаты, распечатки на столбах, знакомые знакомых. Но стоило отправить резюме — тишина. Стоило прийти на собеседование — вежливая улыбка, быстрый взгляд, обещание “мы вам перезвоним”.

Никто не перезванивал.

Я приходила домой с натёртыми ногами, замёрзшими пальцами и улыбкой, которую надевала ещё в подъезде.

Потому что не хотела расстраивать Рому.

Потому что мы же выбрали друг друга.

Потому что я должна была быть сильной.

— Мне отказали, — сказала я однажды, опускаясь на диван. — Уже в четвёртый раз за неделю.

Рома сидел на полу у журнального столика, листал вакансии в телефоне и даже не поднял головы.

— Найдёшь.

Я посмотрела на него.

— Ты даже не спросишь где.

Он вздохнул.

Тяжело.

Так, будто я потребовала от него невозможного.

— Алиса, я тоже ищу.

— Я знаю.

— Тогда что?

— Просто мне страшно.

Он наконец поднял глаза.

— А мне, думаешь, нет?

Я замолчала.

Он был прав.

Ему тоже было страшно.

Только мой страх делал меня мягче, а его — жёстче.

Я хотела прижаться к нему, сказать: “Давай бояться вместе”. Но между нами уже лежали счета, неоплаченная аренда, пустеющий конверт с деньгами, который мама сунула мне в сумку перед отъездом, и город, который не собирался нас жалеть.

— Прости, — сказала я.

Рома потёр лицо ладонями.

— Да нет. Это я. Просто устал.

Он протянул руку.

Я пересела к нему на пол, уткнулась в его плечо.

И на несколько минут снова стало легче.

Не хорошо.

Но легче.

Мы жили экономно.

Смешно экономно.

Я считала цены в магазине так внимательно, будто решала задачу со звёздочкой. Рома злился, когда я выбирала макароны подешевле.

— Алиса, ну мы не нищие.

— Я просто смотрю.

— Ты не смотришь. Ты дрожишь над каждой копеейкой.

— Потому что деньги заканчиваются.

— Я знаю!

Он сказал это слишком резко.

Женщина у соседней полки обернулась.

Я опустила глаза.

Рома тут же выдохнул, взял корзину из моих рук и сказал уже тише:

— Прости. Я не хотел.

Я кивнула.

— Ничего.

Это “ничего” стало появляться в моей жизни всё чаще.

Он повысил голос — ничего.

Не спросил, как прошло собеседование, — ничего.

Забыл купить хлеб, хотя обещал, — ничего.

Лёг спать, когда я хотела поговорить, — ничего.

Каждое “ничего” было маленьким камушком.

Почти невесомым.

Но если долго складывать камни в карман, однажды становится трудно идти.

Через месяц Рому взяли на работу.

Он пришёл домой поздно, мокрый от дождя, с сияющими глазами, которых я давно не видела.

— Меня взяли, — сказал он прямо с порога.

Я застыла с полотенцем в руках.

— Что?

— Взяли, Алиса.

— Серьёзно?

Он улыбнулся.

Настояще.

Так, как улыбался раньше. В школе. У моего подъезда. В тот день, когда говорил: “Со мной получится”.

Я бросилась к нему.

— Ром!

Он поймал меня, закружил посреди тесной прихожей, и мы оба рассмеялись. Я смеялась почти до слёз, потому что в эту секунду вся тяжесть последних недель будто спала с плеч.

— Я знала! — выдохнула я. — Я знала, что у тебя получится!

— Я же говорил, — он прижал меня к себе. — Со мной получится.

Я закрыла глаза.

— У нас получится.

Он промолчал.

Совсем коротко.

Но я слышала.

Не слова.

Их отсутствие.

Тогда я убедила себя, что просто придираюсь. Что он устал. Что ему важен этот момент. Что не надо портить радость.

Мы купили торт.

Самый обычный, небольшой, со сливочным кремом и кривой розочкой сверху. Ели его прямо из коробки, потому что я ещё не успела помыть тарелки после ужина. Рома рассказывал о собеседовании, о будущем начальнике, о возможностях, о зарплате, которая казалась нам тогда почти богатством.

— Понимаешь, если я там зацеплюсь, дальше можно расти, — говорил он быстро, живо, размахивая ложкой. — Там нормальные люди, связи, проекты. Это шанс.

— Конечно, — я улыбалась. — Ты справишься.

— Я не просто справлюсь. Я выбьюсь.

Он сказал это с такой силой, что я невольно замерла.

— Куда?

Рома посмотрел на меня, будто вопрос был странным.

— Наверх, Алиса. Куда ещё? Я не для того сюда приехал, чтобы всю жизнь сидеть на копейках.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь.

Это прозвучало резко.

Я поставила ложку на край коробки.

— Почему ты так говоришь?

Он откинулся на спинку стула.

— Потому что ты хочешь просто “чтобы было спокойно”.

А я не хочу спокойно. Я хочу больше.

Я не знала, что ответить.

Разве плохо хотеть спокойствия?

После переезда, отказов, страха перед арендой, пустого холодильника — разве плохо мечтать о вечере, где никто не кричит, не нервничает, не доказывает городу, что достоин жить в нём?

— Я тоже хочу больше, — сказала я тихо.

Рома смягчился.

— Знаю.

Он потянулся через стол и накрыл мою руку своей.

— Для нас хочу.

Я снова поверила.

Потому что очень хотела.

Его работа изменила всё.

Сначала — график.

— Я сегодня позже, не жди.

Потом — разговоры.

— Мне надо быть на связи.

Потом — тон.

— Алиса, я устал. Давай не сейчас.

Потом — тишина.

Он приходил домой, ел, открывал ноутбук и исчезал.

Физически он был рядом.

За тем же столом.

На том же диване.

В той же квартире, где сушилось наше бельё, где на подоконнике упрямо выживал фикус, где я каждый вечер пыталась приготовить что-то недорогое, но вкусное.

Но внутри Рома уходил всё дальше.

Я видела это по его взгляду.

Раньше он смотрел на меня.

Теперь — сквозь.

— Ром, ты меня слышишь?

— Да.

— Что я сказала?

Он моргал, будто возвращался из другого места.

— Алиса, ну не начинай.

Не начинай.

Эти слова стали дверью, которую он закрывал перед моим носом.

Я тоже устроилась.

Не туда, куда мечтала.

И, если честно, вообще не туда, куда хотела.

Офис на окраине. Низкая зарплата. Начальница, которая называла всех “девочки”, даже если перед ней стояли взрослые женщины с усталыми лицами. Бумаги, звонки, таблицы, чужие поручения и вечное ощущение, что ты не живёшь, а

просто выдерживаешь день.

Но я радовалась.

Потому что теперь могла приносить деньги.

Потому что нам станет легче.

Потому что, может быть, Рома перестанет так напрягаться.

— Меня взяли, — сказала я вечером, когда он вернулся.

Он снял куртку.

— Отлично.

Я ждала.

Объятий.

Улыбки.

Хотя бы вопроса.

Куда? На какую должность? Когда начинаешь?

Но Рома прошёл на кухню и открыл холодильник.

— Есть что-нибудь поесть?

Я стояла в прихожей и чувствовала, как радость внутри сдувается, как шарик.

— Да, — сказала я. — В кастрюле суп.

— Спасибо.

И всё.

В тот вечер я долго мыла одну и ту же тарелку, пока вода не стала почти ледяной.

Глупо было обижаться.

Он устал.

У него важная работа.

У него стресс.

Но почему-то мне очень хотелось, чтобы кто-то тоже сказал мне: “Я горжусь тобой”.

Я сказала это себе сама.

Шёпотом.

Пока он сидел за ноутбуком в комнате.

— Мы почти не видимся, — произнесла я однажды вечером.

Рома сидел за столом, лицо подсвечивал экран ноутбука. За окном шумела Москва — далёкая, чужая, равнодушная. На плите остывал ужин, который он даже не попробовал.

— Мы живём вместе, — ответил он, не отрывая взгляда от экрана.

— Это не одно и то же.

Он выдохнул.

— Алиса...

— Что?

— Я работаю.

— А я нет?

Он закрыл ноутбук.

Резко.

Так, что я вздрогнула.

— Ты хочешь, чтобы я всё бросил?

— Я хочу, чтобы ты был со мной.

— Я и так с тобой.

— Нет.

Слово вырвалось само.

Тихое.

Но очень честное.

Рома посмотрел на меня.

Холодно.

Долго.

Так, будто я сказала что-то неправильное. Неблагодарное.
Недопустимое.

— Нет? — переспросил он.

Я сжала пальцы.

— Ты рядом. Но не со мной.

В комнате стало тихо.

Даже город за окном будто на секунду приглушил звук.

— Ты опять начинаешь, — сказал он наконец.

У меня кольнуло в груди.

— Потому что я чувствую.

— Ты слишком много чувствуешь, Алиса.

Я моргнула.

Раз.

Второй.

Слова не были громкими.

Но ударили сильно.

Слишком много чувствуешь.

Будто это недостаток.

Будто моя любовь, тревога, попытки достучаться — лишние.

Будто мне нужно стать удобнее. Тише. Проще.

— А ты слишком мало, — сказала я.

Сама не ожидала.

Рома встал.

Медленно.

— Я завтра рано встаю.

— И всё?

— А что ты хочешь услышать?

Я хотела услышать: “Прости”.

Хотела: “Я правда отдалился”.

Хотела: “Иди сюда, я скучаю по тебе тоже”.

Но он стоял передо мной с усталым лицом и закрытыми глазами человека, который уже решил, что я проблема.

— Ничего, — сказала я.

Он кивнул.

— Вот и хорошо.

И ушёл в комнату.

Я осталась на кухне одна.

С холодным чаем.

С остывшим ужином.

С фикусом на подоконнике, который почему-то держался лучше меня.

Той ночью я долго не могла уснуть.

Рома лежал рядом, отвернувшись к стене. Его дыхание было ровным. Спокойным. Будто ничего не случилось.

А я смотрела в темноту и впервые подумала: может быть,

одной рядом с человеком можно быть сильнее, чем без него.

Эта мысль испугала меня.

Я тут же прогнала её.

Потому что нельзя так думать о муже.

О Роме.

О мальчике, который когда-то держал меня за руку в школьном спортзале и говорил: “Не бойся”.

Хуже всего было не то, что он становился холоднее.

Хуже всего было то, что иногда он снова становился прежним.

И именно это не давало мне уйти даже в мыслях.

Однажды в субботу он вдруг закрыл ноутбук, подошёл ко мне и сказал:

— Поехали куда-нибудь.

Я подняла глаза от белья, которое развешивала на сушилке.

— Куда?

— Не знаю. Просто. В город. В парк. Куда глаза глядят.

— Ты серьёзно?

— Да.

— А работа?

Он улыбнулся.

— Работа подождёт.

Я так давно не слышала от него ничего подобного, что сначала даже не поверила.

Но мы поехали.

На метро, потом пешком, потом снова куда-то свернули. Москва в тот день вдруг стала красивой. Осенней. Золотой. С мокрыми листьями под ногами, запахом кофе из маленьких киосков, музыкантом в переходе и людьми, которые уже не казались такими чужими.

Рома держал меня за руку.

Не автоматически.

Крепко.

Тепло.

Как раньше.

— Замёрзла? — спросил он.

— Немного.

Он расстегнул куртку и притянул меня ближе.

— Иди сюда.

Я рассмеялась.

— Мы на улице.

— И что?

— Люди смотрят.

— Пусть завидуют.

И я снова была счастлива.

До глупости.

До слёз.

Мы купили кофе, слишком горячий, обжигающий пальцы через картонный стаканчик. Сидели на лавочке, смотрели, как по дорожке бежит маленькая собака в смешном комбинезоне. Рома рассказывал какую-то историю с работы, изоб-

ражал начальника, и я смеялась так, что чуть не пролила кофе на пальто.

— Вот такая ты мне нравишься, — сказал он вдруг.

Я улыбнулась.

— Какая?

— Весёлая. Без этих вечных дум.

Улыбка чуть дрогнула.

Но я удержала её.

— Я не всегда думаю.

— Всегда, — он коснулся пальцем моего лба. — Тут у тебя целая фабрика тревоги.

— Очень смешно.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Просто.

Вдруг.

Без перехода.

Я замерла.

Сердце будто споткнулось.

— Правда?

Рома посмотрел на меня странно.

— Конечно правда.

Я опустила глаза.

— Ты давно этого не говорил.

Он вздохнул.

— Алиса...

Я испугалась, что сейчас снова услышу “не начинай”.

Но он взял мою руку.

— Я просто устаю. Понимаешь? Я хочу, чтобы у нас всё было нормально. Чтобы мы не считали копейки. Чтобы у тебя было всё. Чтобы потом... дети, квартира, жизнь. Нормальная.

Дети.

Квартира.

Жизнь.

Слова были как тёплое одеяло.

Я сразу укрылась ими от всех своих страхов.

— Я понимаю, — прошептала я.

— Я не отдаляюсь от тебя. Я стараюсь для нас.

Для нас.

Вот оно.

То, что я так хотела услышать.

И пусть где-то внутри тоненький голос спрашивал: “А почему тогда тебе так одиноко?” — я заставила его замолчать.

Рома меня любит.

Он просто устал.

Он старается.

Нельзя быть неблагодарной.

Нельзя всё портить.

Нельзя цепляться к человеку, который строит ваше будущее.

Вечером мы вернулись домой почти счастливыми.

Он купил по дороге бутылку вина и пиццу. Мы ели прямо

на диване, смотрели глупую комедию, которую оба не понимали, но смеялись над тем, как плохо играют актёры.

Потом Рома положил голову мне на колени.

— Почеши, — пробормотал он.

— Что?

— Голову почеши. Ты раньше так делала.

Я улыбнулась и запустила пальцы в его волосы.

Он закрыл глаза.

В этот момент он был таким родным, что у меня защемило в груди.

Мой.

Всё ещё мой.

Я наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Я люблю тебя, — сказала тихо.

— Я знаю, — сонно ответил он.

Раньше он бы сказал: “Я тебя тоже”.

Но я убедила себя, что это почти одно и то же.

Почти.

А потом такие дни стали моим спасением.

Редкие.

Яркие.

Они вспыхивали в нашей жизни, как спички в тёмной комнате.

Один вечер с кино.

Один завтрак, где он вдруг жарил мне яичницу и шутил.

Одна прогулка.

Один поцелуй в подъезде, когда он возвращался с работы и вдруг целовал меня так, будто скучал.

И после каждой такой вспышки я снова верила, что всё наладится.

Что просто сложный период.

Что Москва всех ломает, а мы выдержим.

Что любовь не обязана каждый день быть громкой.

Что если человек иногда всё ещё смотрит на тебя с теплом, значит, это тепло никуда не исчезло.

Я тогда не понимала главного.

Любовь, которая держится только на редких вспышках, уже начинает гаснуть.

И чем темнее становится вокруг, тем ярче кажется каждая спичка.

Однажды я проснулась ночью.

Не знаю почему.

Может, от шума за окном. Может, от того, что Рома встал с кровати слишком осторожно.

Я приоткрыла глаза.

В комнате было темно, только из коридора падала тонкая полоска света. Рома стоял у окна с телефоном в руке.

Он кому-то писал.

Быстро.

Сосредоточенно.

Я хотела позвать его.

Но не позвала.

Потому что увидела его лицо.

Не усталое.

Не раздражённое.

Не отстранённое.

Он улыбался.

Тихо.

Едва заметно.

Так, как давно не улыбался мне.

Сердце сжалось.

Я лежала неподвижно, почти не дыша, и смотрела, как он набирает сообщение. Потом стирает. Потом снова набирает.

Через минуту телефон погас.

Рома постоял ещё немного, будто собираясь с мыслями, и вернулся в кровать.

Лёг рядом.

Осторожно, чтобы не разбудить.

Я закрыла глаза.

— Ты не спишь? — тихо спросил он.

Я могла сказать “нет”.

Могла повернуться.

Могла спросить: “Кому ты писал?”

Но я испугалась ответа.

Поэтому прошептала:

— Сплю.

Он молчал.

Потом его рука легла мне на талию.

Как раньше.

И я вцепилась в это прикосновение всей душой.

Будто оно могло отменить ночной свет телефона.

Будто могло доказать, что мне показалось.

Будто могло удержать то, что уже начинало ускользать.

Я тогда ещё не знала, что самое страшное впереди.

Не холод.

Не ссоры.

Не его поздние возвращения.

А тот момент, когда вместо пустоты между нами появится

кто-то другой.

Живая.

Красивая.

Настоящая.

Та, кому он будет улыбаться так, как когда-то улыбался
мне.

Глава 6. То, что нельзя объяснить

Иногда предательство начинается не с поцелуя.

Не с чужого запаха на рубашке.

Не с помады на воротнике.

Не с сообщения, случайно вспыхнувшего на экране телефона.

Иногда предательство начинается гораздо тише.

С паузы.

С взгляда, который вдруг становится не твоим.

С руки, которую человек убирает чуть быстрее, чем раньше.

С короткого “я позже”, сказанного так, будто ты не жена, а соседка по квартире, которой просто сообщили расписание.

С молчания.

Особенно с молчания.

Потому что слова можно объяснить. Даже грубые. Даже резкие. Даже болезненные.

Слова можно списать на усталость, работу, нервы, плохой день, недосып, Москву, которая выжимает из людей всё мягкое и оставляет только раздражение.

А молчание...

Молчание всегда говорит правду.

Просто не сразу.

Сначала я ничего не замечала.

Или, если быть честной, не хотела замечать.

Потому что замечать — значит признавать.

А признавать я была не готова.

— Я сегодня позже, — бросил Рома, застёгивая куртку.

Я стояла у плиты и помешивала гречку. Самую обычную гречку с курицей, которую он раньше любил. Вернее, говорил, что любит. Я даже специально купила маленький пучок укропа, хотя в магазине он стоил почти неприлично дорого для обычной зелени.

Хотела сделать ему приятно.

Глупость какая.

В браке женщины почему-то часто пытаются вернуть любовь ужином.

Будто если правильно посолить, не передержать мясо и поставить на стол горячее, мужчина снова вспомнит, как смотрел на тебя в школьном спортзале.

— Насколько позже? — спросила я.

Рома не сразу ответил.

Он стоял в прихожей, одной рукой натягивал ботинок, другой держал телефон. Экран мигнул, высветив сообщение, но он тут же нажал кнопку сбоку, и телефон погас.

Слишком быстро.

Я заметила.

Конечно, заметила.

Когда любишь человека долго, начинаешь замечать всё: как он дышит, когда врёт; как моргает, когда раздражается;

как меняется плечо, когда он пытается скрыть напряжение.

— Не знаю, — сказал он наконец.

— Мы же хотели поужинать вместе.

Я старалась говорить спокойно.

Без претензии.

Без того тона, который он называл “началось”.

— В другой раз.

Он даже не посмотрел на плиту.

Не спросил, что я готовлю.

Не сказал: “Прости, правда не могу”.

Просто взял ключи.

— Ром...

Он уже открыл дверь.

— Алиса, я опаздываю.

Щелчок.

И тишина.

Такая резкая, будто дверь закрылась не в прихожей, а где-то внутри меня.

Я осталась стоять у плиты с ложкой в руке.

Гречка тихо кипела. На крышке собирались капли пара. Из окна тянуло вечерним холодом, потому что старая рама плохо закрывалась, и я всё время забывала заклеить щель.

Раньше в такие вечера он писал.

Всегда.

Даже если был занят.

“Доехал”.

“Ты поела?”

“Не скучай”.

“Скучаю”.

Иногда просто присылал дурацкий смайлик, и мне хватало. Потому что это значило: он помнит обо мне. Между делами, людьми, встречами, метро, пробками — помнит.

Теперь телефон молчал.

Я накрыла на стол по привычке.

Две тарелки.

Две вилки.

Два стакана.

Потом посмотрела на это и почувствовала себя смешной.

Одна тарелка была лишней.

Я убрала её обратно в шкаф.

Пужинала одна.

Хотя “пужинала” — громкое слово.

Положила пару ложек гречки, поводила вилок по тарелке, попробовала кусочек курицы и поняла, что ничего не чувствую. Ни соли. Ни вкуса. Ни голода.

Только пустоту.

Телефон лежал рядом на столе экраном вверх.

Чёрный.

Безжизненный.

Я разблокировала его.

Проверила сеть.

Открыла переписку.

Последнее сообщение было моё утреннее:

“Хорошего дня ♥#”

Он ответил:

“И тебе”.

Без сердца.

Я долго смотрела на эти два слова.

Господи, до чего же унизительно — искать любовь в знаках препинания.

Сердечко поставил или нет.

Смайлик отправил или просто точку.

Написал “целую” или промолчал.

Раньше я смеялась над такими женщинами.

Теперь стала одной из них.

В половине одиннадцатого я не выдержала и написала сама.

“Ты где?”

Сообщение ушло.

Через минуту под ним появилась отметка: прочитано.

И всё.

Ответа не было.

Я сидела на кухне и смотрела на экран так, будто могла заставить его ожить силой взгляда.

Минуту.

Пять.

Десять.

Ничего.

— Не накручивай, — прошептала я себе.

Голос прозвучал чужим.

Слабым.

Жалким.

— Он занят. У него встреча. Работа. Москва. Всё нормально.

Я повторяла это, как молитву.

Но внутри уже начинало тянуть.

Тревожно.

Неприятно.

Так, будто кто-то медленно затягивал узел под рёбрами.

Рома пришёл почти в час ночи.

Я не спала.

Конечно, не спала.

Лежала на диване в комнате, укрытая пледом, и делала вид, что смотрю фильм. На экране какие-то люди спорили, мирились, смеялись. Я не понимала ни слова. Всё моё внимание было приковано к прихожей.

К каждому звуку в подъезде.

К каждому шагу за дверь.

К лифту, который то поднимался, то спускался, но всё время не к нам.

Когда ключ наконец повернулся в замке, я вздрогнула так, будто меня застали за чем-то постыдным.

Рома вошёл тихо.

Слишком тихо.

Как человек, который не хочет будить.

Или не хочет, чтобы его ждали.

— Ты чего не спишь? — удивился он, снимая куртку.

Я встала.

Плед соскользнул на пол.

— Ждала.

— Зачем?

Зачем.

Одно слово.

А ударило так, будто он крикнул.

Я медленно подошла к двери комнаты.

— Потому что ты мой муж, Ром.

Он выдохнул.

Устал.

Или раздражён?

Я уже не могла различить.

— Я же сказал, что буду поздно.

— Но ты не сказал насколько.

— Алиса...

— Что “Алиса”? — Голос дрогнул раньше, чем я успела его удержать. — Ты не отвечал. Ты прочитал сообщение и не ответил. Ты просто пропал. Это нормально?

Он провёл рукой по лицу.

— У меня была встреча.

— В час ночи?

Пауза.

Крошечная.

Но я слышала её.

— Да.

Слишком быстро.

Слишком ровно.

Именно так люди и врут.

Не сбивчиво, как в фильмах.

А спокойно.

Заранее подготовленным голосом.

— С кем? — тихо спросила я.

Рома посмотрел на меня.

И в этом взгляде что-то мелькнуло.

Раздражение.

Злость.

Или страх?

Наверное, я очень хотела, чтобы это был страх. Потому что если человек боится тебя потерять — значит, ещё любит.

— По работе.

— С кем?

Его лицо сразу стало жёстче.

— Алиса, тебе отчёт предоставить?

Вот оно.

Резко.

Холодно.

Как защита.

Я невольно отступила на шаг.

— Я просто спросила.

— А я просто ответил.

— Нет, Ром. Ты не ответил.

— Я сказал: по работе.

— Это не ответ.

Он бросил ключи на тумбочку так резко, что они ударились о дерево и звякнули.

— Потому что это глупые вопросы.

Тишина.

Глухая.

Тяжёлая.

Соседи за стеной что-то уронили. Где-то наверху прошла вода по трубам. Москва за окном продолжала жить, шуметь, ехать куда-то по ночным дорогам.

А у нас в прихожей всё застыло.

— Раньше ты так не говорил, — прошептала я.

Рома замолчал.

Отвёл взгляд.

— Раньше было проще.

Сердце кольнуло.

— Потому что я не задавала вопросов?

Он не ответил.

И это молчание сказало больше, чем любые слова.

В ту ночь я впервые не смогла уснуть рядом с ним.

Рома лёг почти сразу. Отвернулся к стене. Через несколько минут его дыхание стало ровным.

Спокойным.

Как будто ничего не произошло.

Как будто его жена не лежала рядом с открытыми глазами
и не пыталась собрать себя по кускам.

Я смотрела в потолок.

В темноте на нём плясали слабые отблески фар с улицы.

Раз.

Два.

Три.

Машины проезжали мимо.

Жизнь шла.

А я чувствовала, что теряю его.

Не сразу.

Не резко.

Не так, как в кино, где герой кричит: “Я ухожу”, и дверь
хлопает навсегда.

Нет.

Я теряла Рому маленькими порциями.

Один поздний вечер.

Одно непрочитанное объяснение.

Одна убранная со стола лишняя тарелка.

Один ответ без сердца.

Один взгляд, в котором больше не было прежнего тепла.

И самое страшное — я не могла доказать даже самой себе,
что что-то происходит.

Фактов не было.

Только ощущение.

А ощущение нельзя положить на стол и сказать: “Вот, смотри. Это наша трещина”.

На следующий день всё было нормально.

Даже слишком.

Я проснулась от запаха кофе.

Сначала решила, что мне снится. Рома давно не вставал раньше меня по выходным, а в будни тем более. Но на кухне действительно звякнула кружка, зашумел чайник, и его голос позвал:

— Алиса, ты встаёшь?

Я села на кровати.

Голова была тяжёлая после бессонной ночи, глаза щипало.

На кухне Рома стоял у стола в домашней футболке, с расчёсанными волосами и чашкой кофе в руке. На тарелке лежали тосты. Немного подгоревшие, но он явно старался.

— Доброе утро, — сказал он и поцеловал меня в щёку.

Как будто вчера ничего не было.

— Доброе...

— Я, кстати, сегодня пораньше вернусь.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Правда?

— Да. Заедем поужинать куда-нибудь. Давно не выбирались.

Сердце предательски дрогнуло.

Вот так просто.

Один кофе.

Один поцелуй.

Одно “поужинаем”.

И я уже почти готова была простить ночную тишину.

Не потому что забыла.

А потому что очень хотела, чтобы мне не пришлось пом-
нить.

— Я думала, у тебя работа, — сказала я осторожно.

— Разберусь.

Он улыбнулся.

Тепло.

Знакомо.

Как раньше.

И я снова поверила.

Вечером мы сидели в небольшом ресторане недалеко от
метро.

Не слишком дорогим, но уютным. На столах стояли ма-
ленькие лампы, в окнах отражались огни улицы, официан-
ты двигались почти бесшумно. Где-то негромко играла му-
зыка, и всё вокруг казалось таким нормальным, что я начи-
нала злиться на себя за вчерашнюю тревогу.

Рома был внимательным.

Слишком внимательным.

Он шутил.

Смеялся.

Держал мою руку на столе.

Заказал мне десерт, хотя я сказала, что не хочу.

— Ты любишь этот, с вишней, — сказал он. — Помню.

Помнит.

Вот же.

Он помнит.

Значит, не всё потеряно.

— Ты чего такая задумчивая? — спросил он, когда официант ушёл.

Я посмотрела на его пальцы, накрывающие мои.

— Просто...

— Всё ещё думаешь о вчерашнем?

Я кивнула.

Врать не хотелось.

Рома вздохнул, но не раздражённо. Скорее устало.

— Алиса, ну правда. Не ищи то, чего нет.

— А если есть?

Он поднял глаза.

Посмотрел прямо.

Слишком прямо.

— Тогда ты бы уже знала.

В этот момент у меня внутри что-то сжалось.

Сильно.

Почти больно.

Потому что это прозвучало не как уверенность.

А как предупреждение.

Будто он сказал: не лезь глубже, Алиса.

Не открывай дверь.

Тебе не понравится то, что там.

— Что это значит? — спросила я.

— То и значит. Если бы у меня было что-то скрывать, ты бы поняла.

— Я и так что-то понимаю.

Он убрал руку.

Не резко.

Но убрал.

— Опять.

Одно слово.

И между нами снова выросла стена.

Не высокая.

Пока ещё не непреодолимая.

Но уже настоящая.

Я посмотрела на свечу в маленьком стеклянном стаканчике. Огонёк дрожал от каждого движения воздуха.

— Прости, — сказала я.

И сразу возненавидела себя за это.

За что я извинялась?

За то, что мне было больно?

За то, что я ждала мужа ночью?

За то, что хотела правды?

Но Рома будто только этого и ждал.

Он снова смягчился, накрыл мою руку своей и произнёс:

— Всё хорошо. Просто доверяй мне.

Доверяй.

Как будто доверие — это выключатель.

Щёлкнул — и тревоги нет.

Через несколько дней я заметила ещё одну вещь.

Телефон.

Раньше Рома оставлял его где угодно.

На кухне.

На диване.

В ванной на стиральной машинке.

Мог попросить:

— Алиса, глянь, кто там написал.

И я смотрела. Не потому что проверяла, а потому что это было нормально. Мы были мужем и женой. У нас не было запертых дверей друг от друга.

Теперь телефон всегда был с ним.

Всегда.

Даже в ванную.

Даже на балкон.

Даже когда он шёл выбросить мусор.

Однажды он уснул на диване.

Телефон лежал у него на груди, зажатый в руке.

Я стояла рядом с чашкой чая и смотрела на эту руку.

На его пальцы.

На чёрный экран.

На большой палец, будто даже во сне готовый нажать кнопку и спрятать то, что мне нельзя видеть.

Я могла взять.

Одно движение.

Просто вытащить.

Проверить.

Узнать.

Но я не взяла.

Не потому что доверяла.

А потому что боялась.

Есть особый вид страха — страх получить доказательство того, что ты уже знаешь сердцем.

С ним трудно жить.

Но без него ещё страшнее.

— Ты стал какой-то скрытный, — сказала я вечером как можно легче.

Мы ужинали на кухне. Рома ел быстро, почти не глядя в тарелку. Телефон лежал рядом с ним экраном вниз.

Экраном вниз.

Ещё одна мелочь.

Ещё одна иголлка.

— Серьёзно? — он даже не посмотрел на меня.

— Да.

— Тебе кажется.

— Ром...

Он резко поднял взгляд.

— Алиса, хватит.

Тихо.

Но жёстко.

Я замолчала.

— Хватит что?

— Вот это всё.

— Что “это”?

— Контроль. Подозрения. Допросы.

Сердце сжалось.

— Я не контролирую.

— Контролируешь.

— Я просто чувствую, что...

— Что? — он наклонился ближе. — Скажи.

Вот оно.

Момент.

Скажи — и всё изменится.

Скажи: “У тебя кто-то есть?”

Скажи: “Ты мне врёшь?”

Скажи: “Я боюсь, что ты меня разлюбил”.

Слова стояли в горле, тяжёлые, острые.

Но я смотрела на Рому и вдруг понимала: если произнесу это вслух, назад уже не вернусь.

Пока вопрос не задан, можно делать вид, что ответа нет.

Пока дверь закрыта, можно не видеть, что за ней пожар.

— Ничего, — тихо сказала я.

Он откинулся назад.

— Вот и всё.

Но это было не всё.

Это было начало.

После того вечера я стала другой.

Не снаружи.

Снаружи я всё так же ходила на работу, готовила ужин, стирала рубашки, поливала фикус на подоконнике и спрашивала:

— Чай будешь?

— Рубашку погладить?

— Ты во сколько вернёшься?

Обычная жена.

Нормальная.

Удобная.

Но внутри я начала считать.

Сколько раз он улыбнулся, глядя в телефон.

Сколько раз вышел из комнаты, чтобы ответить на звонок.

Сколько раз сказал “по работе”.

Сколько раз задержался.

Сколько раз не обнял меня, проходя мимо.

Жить в подозрении — это как жить с тихим радио в голове.

Оно всегда включено.

Даже когда ты улыбаешься.

Даже когда моешь посуду.

Даже когда лежишь рядом с ним и он касается твоей талии так привычно, будто всё ещё принадлежит тебе.

В один из вечеров он снова собрался уходить.

— У меня встреча.

Я стояла у шкафа и складывала его футболки.

— Сегодня суббота.

— И что?

— Ничего.

Он помолчал.

— Алиса.

Я повернулась.

— Да?

— Не начинай.

Я посмотрела на него.

Долго.

И впервые не ответила “я не начинаю”.

Просто спросила:

— Ты сам слышишь, как часто это говоришь?

Рома нахмурился.

— Что?

— “Не начинай”. “Хватит”. “Тебе кажется”. “Глупые вопросы”. — Я говорила тихо, но слова сами находили дорогу.

— Раньше ты так со мной не разговаривал.

Он застегнул часы на запястье.

— Раньше ты мне доверяла.

— Раньше ты не давал поводов.

Он замер.

Вот теперь я сказала.

Не всё.

Но достаточно.

В комнате стало слишком тихо.

— То есть я виноват? — спросил он.

— Я не сказала “виноват”.

— Но подумала.

— А ты?

— Что я?

— Ты хоть раз подумал, почему я так себя чувствую?

Он усмехнулся.

Коротко.

Без радости.

— Потому что тебе скучно.

Я моргнула.

— Что?

— Тебе скучно, Алиса. Ты накручиваешь себя, потому что тебе нечем заняться.

Слова упали между нами, как грязная тряпка на чистый пол.

Я даже не сразу поняла, насколько больно.

— Нечем заняться? — переспросила я.

— Я не это имел в виду.

— Нет, именно это.

— Господи...

— Я работаю. Я занимаюсь домом. Я жду тебя. Я пытаюсь понять, что с нами происходит. А ты говоришь, мне скучно?

Рома посмотрел на часы.

И это было хуже любого крика.

Он посмотрел на часы, пока я стояла перед ним почти с голым сердцем.

— Мне надо идти, — сказал он.

Я тихо рассмеялась.

Сама не ожидала.

Смех получился пустой.

— Конечно.

— Алиса...

— Иди.

Он задержался на секунду.

Может, ждал, что я остановлю.

Может, хотел что-то сказать.

Может, просто проверял, насколько сильно ударил.

Но я отвернулась к шкафу.

И он ушёл.

Дверь закрылась.

Не хлопнула.

Просто щёлкнула.

Но мне показалось, что в квартире что-то рухнуло.

Я подошла к окну.

На улице было темно. Внизу, у подъезда, жёлтым пятном горел фонарь. Через минуту Рома вышел из дома, поднял воротник куртки и пошёл к дороге.

Он не оглянулся.

Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом.

А потом взяла телефон.

Руки дрожали.

Я открыла переписку с ним.

Написала:

“Ром, я так больше не могу”.

Долго смотрела на эти слова.

Потом стерла.

Написала:

“Пожалуйста, скажи мне правду”.

Стерла.

Написала:

“Ты меня любишь?”

И это тоже стерла.

Потому что вдруг поняла: больше всего я боюсь не его лжи.

Я боюсь честного ответа.

Прошёл час.

Потом второй.

Я ходила по квартире, как по клетке.

На кухне остыл чай. В ванной капала вода. Фикус на подоконнике стоял в темноте, упрямый, живой, хотя я уже неделю забывала его поливать.

Около полуночи телефон наконец завибрировал.

Я схватила его так быстро, будто ждала не сообщение, а приговор.

Но писал не Рома.

Номер был незнакомый.

На экране высветилась короткая фраза:

“Вы правда ничего не знаете?”

Я перестала дышать.

Просто села на край дивана и смотрела на эти слова.

Снова.

И снова.

“Вы правда ничего не знаете?”

Без имени.

Без объяснений.

Без подписи.

Я нажала на экран, открыла сообщение, будто от этого оно могло стать другим.

Но оно не изменилось.

Внутри стало холодно.

Не тревожно.

Не больно.

Именно холодно.

Так бывает, когда падаешь, но ещё не успеваешь почувствовать удар.

Пальцы сами набрали ответ:

“Кто это?”

Сообщение ушло.

Одна галочка.

Потом вторая.

Прочитано.

Я смотрела на экран.

Ждала.

Сердце било куда-то в горло.

Прошла минута.

Две.

Пять.

Ответа не было.

Я набрала ещё:

“Что я должна знать?”

И тут же увидела, как собеседник начал печатать.

Три точки появились на экране.

Исчезли.

Снова появились.

Исчезли.

А потом пришло фото.

Сначала оно загрузилось мутным пятном.

Потом стало чётким.

Я увидела Рому.

Моего Рому.

Он сидел за столиком в каком-то баре или ресторане. Полумрак, бокалы, жёлтый свет. На нём была та самая рубашка, которую утром гладила я.

А рядом с ним сидела женщина.

Красивая.

Темноволосая.

В ярком платье.

Она наклонилась к нему слишком близко.

Её рука лежала на его руке.

А Рома улыбался.

Так, как давно не улыбался мне.

Я смотрела на фото и не могла вдохнуть.

Это ещё ничего не доказывало.

Можно объяснить.

Коллега.

Встреча.

Работа.

Случайный момент.

Не поцелуй.

Не объятие.

Просто рука.

Просто улыбка.

Просто то, что нельзя объяснить.

И именно поэтому стало страшнее всего.

Потому что иногда измена начинается не с постели.

А с улыбки, которую у тебя забрали и отдали другой.

Телефон снова завибрировал.

Новое сообщение.

“Спросите у мужа про Вику”.

Я прочитала имя.

Вика.

Всего четыре буквы.

А в моей жизни будто открылась дверь, за которой давно

стояла правда.

Я сидела в темноте.

Одна.

С телефоном в руках.

С фотографией на экране.

С чужим именем, которое теперь звучало внутри меня громче любого крика.

И впервые за все эти годы поняла:

самое страшное — не узнать, что тебя предали.

Самое страшное — вспомнить все моменты, когда ты уже знала.

Просто не хотела верить.

Глава 7. Имя, которое всё меняет

Я сидела в темноте и смотрела на фотографию.

Слишком долго.

Так долго, что экран телефона успел погаснуть, и в чёрном стекле я увидела своё отражение.

Бледное лицо.

Расширенные глаза.

Губы, которые я прикусила так сильно, что почувствовала вкус крови.

Я нажала на экран снова.

Фото вспыхнуло.

Рома.

Мой муж.

В той самой рубашке, которую утром гладила я.

Я даже помнила, как проводила утюгом по воротнику, как стряхнула с рукава невидимую пылинку, как подумала: красивый.

Мой красивый муж.

И вот теперь он сидел за столиком в полумраке, улыбался другой женщине, а её пальцы лежали на его руке так естественно, будто делали это не впервые.

Вика.

Имя стояло перед глазами.

Четыре буквы.

До смешного обычные.

Ви-ка.

Так могли звать соседку.

Коллегу.

Подругу подруги.

Девушку из очереди в кофейне.

Но теперь это имя стало чем-то большим.

Оно стало ножом.

Я открыла сообщение ещё раз.

“Спросите у мужа про Вику”.

Спросите.

Так вежливо.

Так почти спокойно.

Будто речь шла не о моей жизни, не о моём браке, не о сердце, которое сейчас билось неровно, страшно, будто пыталось выбраться из груди и убежать раньше меня.

Я набрала:

“Кто вы?”

Отправила.

Две галочки.

Прочитано.

Ответа не было.

Я написала снова:

“Откуда у вас это фото?”

Прочитано.

Тишина.

Я встала с дивана.

Потом снова села.

Потом поднялась и пошла на кухню, хотя понятия не имела зачем. Налила воду в стакан. Сделала глоток. Не почувствовала вкуса. Поставила стакан мимо стола, вода плеснула на пол.

Я смотрела на лужицу у своих ног и почему-то думала: надо вытереть.

Вот странная человеческая психика.

Твой мир может рушиться, но если ты пролила воду — рука всё равно потянется за тряпкой.

Я вытерла пол.

Аккуратно.

Почти тщательно.

Потом села на кухонный стул и положила телефон перед собой.

Фото было закрыто.

Но я всё равно видела его.

Внутри.

Так чётко, будто оно выжглось на обратной стороне век.

Рома улыбается.

Женщина наклоняется к нему.

Её рука на его руке.

Я попыталась найти объяснение.

Конечно, попыталась.

Потому что любящая женщина сначала защищает не себя.

Она защищает того, кого любит.

Даже от правды.

Может, это старая фотография.

Нет. Рубашка сегодняшняя.

Может, рабочая встреча.

В баре? В полночь? С рукой на руке?

Может, она сама его коснулась, а он не успел убрать руку.

Но он улыбался.

Господи, эта улыбка.

Она была хуже прикосновения.

Потому что прикосновение можно случайно не заметить.

А улыбку — нет.

Я знала его улыбки.

За столько лет я выучила все.

Усталую.

Насмешливую.

Раздражённую.

Сонную.

Ту, которой он успокаивал меня, когда хотел, чтобы я перестала задавать вопросы.

Ту, которой когда-то смотрел на меня в школьном коридоре.

На фото была именно она.

Живая.

Тёплая.

Заинтересованная.

Не та, что достаётся жене между работой и сном.

А та, которую дарят женщине, рядом с которой хочется быть.

Я закрыла лицо руками.

Не плакала.

Слёз не было.

Иногда боль приходит такой сильной, что организм будто не успевает включить слёзы. Сначала он просто замирает.

Я не знаю, сколько просидела так.

Может, десять минут.

Может, час.

Время стало вязким.

Потом в замке повернулся ключ.

Я подняла голову.

Сердце не забилося быстрее.

Оно будто вообще остановилось.

Дверь открылась.

Рома вошёл в квартиру.

Тихо.

Слишком тихо.

Как вчера.

Как всегда в последнее время.

Он снял куртку, поставил ботинки на коврик, провёл рукой по волосам. Потом увидел свет на кухне.

— Ты опять не спишь? — спросил он.

Я смотрела на него.

На лицо.

На глаза.

На губы, которые ещё совсем недавно, может быть, улыбались ей.

На рубашку.

Ту самую.

В жизни она выглядела обычной. Светлая ткань, чуть смятая у рукавов, воротник расстёгнут на одну пуговицу.

На фото эта рубашка казалась уликой.

— Алиса? — он нахмурился. — Что случилось?

Я не ответила.

Просто взяла телефон и положила его экраном вверх.

Перед собой.

Рома сделал несколько шагов к кухне.

Его взгляд опустился на экран.

Я увидела момент, когда он понял.

Это длилось меньше секунды.

Но я увидела.

В его лице что-то дрогнуло.

Не удивление.

Не непонимание.

Не вопрос: “Что это?”

Нет.

Он узнал.

И именно это было страшнее всего.

— Откуда это у тебя? — спросил он.

Голос был тихим.

Неправильный вопрос, Рома.

Совсем неправильный.

Я медленно поднялась.

Стул скрипнул по полу.

— Значит, фото настоящее.

Он молчал.

— Ром?

— Алиса, давай спокойно.

Я тихо рассмеялась.

Смех получился чужой. Ломкий.

— Спокойно?

— Да. Спокойно. Не надо сейчас...

— Не надо что? Начинать?

Он сжал челюсть.

— Я не это хотел сказать.

— А что?

— Что ты сейчас в таком состоянии, что всё перевернёшь.

— А как мне надо смотреть на это фото? — Я ткнула пальцем в экран. — Объясни. Может, есть правильная инструкция? Сначала улыбнуться, потом спросить, хорошо ли ты провёл вечер?

— Это была рабочая встреча.

Слова прозвучали быстро.

Слишком готово.

Я посмотрела на него.

— Вика — тоже работа?

Он моргнул.

Всего один раз.

Но я заметила.

— Кто тебе написал?

— Это важно?

— Да.

— Для кого? Для тебя? Или для того, чтобы понять, кто слил фото?

Его глаза потемнели.

— Алиса.

— Нет, Рома. Не “Алиса”. Не этим тоном. Не сейчас.

Он провёл рукой по лицу.

— Её зовут Виктория. Она из партнёрской компании.

— Виктория, — повторила я.

Имя оказалось длиннее.

Красивее.

Вика — почти домашнее.

Виктория — звучало как женщина, которая умеет побеждать.

Я вдруг ненавидела оба варианта.

— И что она делала ночью за столиком рядом с тобой? — спросила я.

— Мы обсуждали проект.

— С рукой на твоей руке?

Он резко выдохнул.

— Господи, Алиса, это один кадр.

— Один кадр?

— Да. Один. Вырванный из контекста.

— Тогда дай мне контекст.

Он замолчал.

Я ждала.

Секунда.

Другая.

Третья.

Тишина стала такой громкой, что я слышала, как в ванной капает вода.

— Мы давно работаем над сделкой, — сказал он наконец.

— Сегодня была важная встреча. После неё пошли обсудить детали. Там были не только мы.

— Кто ещё?

— Люди.

— Какие люди?

— Коллеги.

— И где они на фото?

— Их просто не видно.

— Удобно.

Он посмотрел на меня с раздражением.

— Ты решила заранее, что я виноват.

— А ты решил заранее, что я дура.

Он замер.

Впервые за вечер я увидела на его лице не злость.

А что-то похожее на боль.

Но длилось это недолго.

— Я тебе не изменял, — сказал он.

Я так ждала этих слов.

Думала, что если он произнесёт их, мне станет легче.

Но легче не стало.

Потому что слова были правильные.

А голос — нет.

— Посмотри мне в глаза и скажи, что между вами ничего нет, — попросила я.

Рома посмотрел.

Прямо.

Долго.

— Между нами ничего нет.

И снова всё было почти идеально.

Почти.

Если бы не маленькая пауза перед словом “ничего”.

Если бы не то, как он сжал пальцы.

Если бы не его первый вопрос: “Откуда это у тебя?”

Если бы не фото.

Если бы не последние недели.

Если бы не моё сердце, которое уже давно знало то, что разум продолжал отрицать.

— Тогда почему ты не ответил мне? — спросила я. — Почему сказал, что встреча по работе, но не сказал с кем? Почему носишь телефон даже в ванную? Почему приходишь

ночью и говоришь, что мне скучно?

— Потому что ты стала невыносима.

Слова ударили быстро.

Без подготовки.

Я будто физически отшатнулась.

Рома сам понял, что сказал.

Но не забрал назад.

Только отвёл взгляд.

— Невыносима, — повторила я тихо.

— Алиса...

— Нет. Договори.

— Я устал.

— От меня?

Он молчал.

Я кивнула, хотя ответа не было.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! — вдруг резко сказал он. —

Ты думаешь, мне легко? Думаешь, я просто гуляю где-то и радуюсь жизни? Я работаю, Алиса. Я тащу нас. Я пытаюсь выбраться. А дома меня ждут не поддержка и тепло, а проверки, подозрения, допросы!

— Я ждала тебя с ужином.

— Я не просил.

Это было хуже.

Гораздо хуже.

Потому что он сказал правду.

Не просил.

Не просил ждать.

Не просил готовить.

Не просил гладить рубашку.

Не просил любить его так, будто без этого мир развалится.

Я сама.

Всё сама.

Сама построила из него центр своей жизни.

Сама верила в каждое “моя”.

Сама молчала, когда было больно.

Сама решила, что если буду достаточно хорошей, достаточно терпеливой, достаточно понимающей, меня нельзя будет разлюбить.

Какая же я была глупая.

— Хорошо, — сказала я.

Голос стал спокойным.

Слишком спокойным.

Рома насторожился.

— Что хорошо?

— Я не буду тебя ждать.

Он нахмурился.

— Что это значит?

— То и значит.

Я взяла телефон со стола.

Руки уже не дрожали.

И это почему-то испугало сильнее, чем дрожь.

— Алиса.

— Я устала.

— Все устали.

— Нет, Рома. Я устала быть женщиной, которой нужно доказывать право на правду.

Он хотел что-то сказать, но я подняла ладонь.

— Не надо.

Мы стояли друг напротив друга на нашей маленькой кухне.

На той самой кухне, где когда-то ели торт из коробки, празднуя его первую работу.

Где он говорил, что хочет для нас лучшей жизни.

Где сделал мне предложение между сковородкой и телевизором.

Где я плакала от счастья, потому что думала: вот она, моя семья.

Теперь на этом же столе лежал телефон с фотографией другой женщины.

Наверное, любовь не умирает сразу.

Она умирает местами.

Сначала в доверии.

Потом в ожидании.

Потом в привычке оправдывать.

А потом остаётся только вопрос: сколько ещё ты готова делать вид, что жива?

— Я спать, — сказал Рома.

Просто.

Будто разговор закончился.

Будто фото не было.

Будто имя “Вика” не осталось висеть между нами, как чужой запах в нашей квартире.

Он прошёл мимо меня.

Я не остановила.

Не спросила больше ничего.

Не заплакала.

Не закричала.

Просто осталась на кухне.

Одна.

Через несколько минут из комнаты донёсся звук — Рома положил телефон на тумбочку.

Я услышала, как скрипнула кровать.

Потом тишина.

Я выключила свет на кухне, но не пошла к нему.

Впервые за всё время я легла на диване.

Не из гордости.

Не чтобы наказать его.

Просто не смогла лечь рядом.

Не смогла представить, что его рука снова привычно ляжет мне на талию, а я буду лежать и думать, касалась ли сегодня эта рука другой.

Я укрылась пледом.

Старым.

Тонким.

Тем самым, под которым ждала его вчера.

Телефон лежал рядом.

Экран снова загорелся.

Незнакомый номер.

Я резко села.

Сообщение было коротким:

“Он будет всё отрицать”.

Я смотрела на эти слова и не понимала, чего во мне больше — страха или злости.

Пальцы сами набрали:

“Кто вы?”

На этот раз ответ пришёл почти сразу.

“Та, кто устала молчать”.

Я сглотнула.

“Что вам нужно?”

Три точки.

Пауза.

Потом:

“Чтобы вы знали, с кем живёте”.

У меня стало холодно в груди.

Я написала:

“Вы знаете Вику?”

Ответ:

“Да”.

Я задержала дыхание.

Следующее сообщение пришло через несколько секунд.

“И вы тоже её знаете”.

Я перечитала фразу.

Раз.

Другой.

Третий.

Нет.

Этого не могло быть.

Я не знала никакой Вики.

В моей жизни не было Виктории из партнёрской компании.

Не было красивой темноволосой женщины из бара.

Не было никого, кто мог бы сидеть рядом с моим мужем и класть руку на его руку так, будто имел на это право.

Я набрала:

“Что значит — знаю?”

Ответ пришёл не сразу.

Минуты тянулись бесконечно.

В комнате за стеной Рома спал.

Или делал вид.

А я сидела на диване, в темноте, с телефоном в руках, и чувствовала, как моя жизнь медленно поворачивается туда, откуда уже нельзя будет вернуться прежней.

Наконец экран вспыхнул.

“Посмотрите фото со свадьбы. Правая сторона. Второй ряд”.

Свадьбы.

Нашей свадьбы.

У меня похолодели пальцы.

Нет.

Нет.

Нет.

Я вскочила с дивана так резко, что плед упал на пол.

В шкафу, на верхней полке, стояла коробка.

Белая.

С чуть помятым углом.

Я не доставала её давно.

Там лежали фотографии, открытки, ленточка от букета, засушенный лепесток розы, который я когда-то хранила как доказательство счастья.

Я подтащила стул, встала на него и достала коробку.

Крышка не поддавалась.

Пальцы дрожали.

Наконец она открылась.

Пахнуло пылью, бумагой и прошлым.

Я села прямо на пол.

Вытащила альбом.

Белая обложка.

Золотые буквы.

“Роман и Алиса”.

Я провела рукой по надписи.

Когда-то от этих слов хотелось улыбаться.

Теперь они казались чужими.

Я открыла альбом.

Первая страница.

Мы у загса.

Я в белом платье.

Рома в костюме.

Он держит меня за руку и смотрит так, будто правда счастлив.

Вторая страница.

Мама плачет.

Его родители улыбаются.

Подруга ловит букет.

Третья.

Общее фото.

Гости стоят полукругом.

Правая сторона.

Второй ряд.

Я приблизила фотографию к лицу.

Сначала ничего не поняла.

Люди.

Лица.

Улыбки.

Чьи-то букеты.

Чьи-то плечи.

Потом увидела её.

Темноволосая девушка в тёмно-синем платье.

Моложе, чем на фото из бара.
Без яркой помады.
Без уверенной улыбки.
Но это была она.
Вика.
Она стояла на нашей свадьбе.
Среди наших гостей.
Смотрела не в камеру.
На Рому.
И улыбалась.
Я не слышала, как из комнаты вышел муж.
Только вдруг увидела его тень на стене.
— Алиса, — сказал он тихо.
Я медленно подняла голову.
Рома стоял в дверях.
Бледный.
Без сна в глазах.
Он посмотрел на альбом у меня в руках.
И всё понял.
А я показала ему фотографию.
— Кто она? — спросила я.
Он молчал.
И в этой тишине рухнуло всё, что ещё оставалось.

Глава 8. Беременна

Беременна.

Я смотрела на это слово так долго, что оно перестало быть словом.

Стало пятном.

Чёрным.

Тяжёлым.

Грязным.

“Он сказал вам, что Вика беременна?”

Я перечитала сообщение снова.

И снова.

И снова.

Нет.

Нет, этого не может быть.

Так не бывает.

Так не должно быть.

Вчера ещё можно было держаться за какую-то жалкую надежду. За его “ничего физического”. За его усталые глаза. За мысль, что, может быть, он просто запутался. Остыл. Увлёкся вниманием другой женщины, но не перешёл черту.

Глупая надежда.

Маленькая, жалкая, но моя.

А теперь кто-то выдернул её из рук и наступил сверху.

Беременна.

Значит, физическое всё-таки было.

Значит, он не просто улыбался ей.

Не просто писал ночью.

Не просто задерживался “по работе”.

Не просто прятал телефон.

Он приходил домой после неё.

Ложился рядом со мной после неё.

Целовал меня после неё.

Говорил “не накручивай себя” после неё.

Я резко встала из-за стола.

Комната качнулась.

Пришлось ухватиться за край кухонной столешницы, чтобы не упасть.

В горле поднялась тошнота.

Я зажала рот ладонью и закрыла глаза.

Только не сейчас.

Только не сломаться.

Не здесь, на кухне, где всё ещё стояла его чашка. Где на спинке стула висела его толстовка. Где каждая мелочь кричала: “Он был твоим”.

Был.

Это слово ударило почти физически.

Я схватила телефон.

Пальцы плохо слушались. Я нажала на незнакомый номер и вызвала его.

Гудки пошли сразу.

Один.

Второй.

Третий.

С каждым гудком сердце билось всё сильнее.

Ответь.

Ответь, кто бы ты ни была.

Ответь и скажи, что это ошибка.

Скажи, что ты всё придумала.

Скажи, что хотела меня напугать.

Скажи что угодно, только не молчи.

Но звонок сбросили.

Почти сразу.

Через несколько секунд пришло новое сообщение:

“Не звоните. Я не хочу в это вмешиваться.”

Я тихо рассмеялась.

Смех получился странный.

Сухой.

Почти безумный.

Не хочет вмешиваться.

Как удобно.

Прислать фотографию.

Бросить в мою жизнь чужое имя.

Сообщить про беременность.

И не вмешиваться.

Я набрала:

“Кто вы?”

Ответ пришёл не сразу.

Я успела пройти от кухни до окна, от окна до прихожей, от прихожей обратно на кухню. Села. Встала. Снова села. Налила воды и не выпила.

Телефон наконец завибрировал.

“Та, кто слишком долго смотрела, как он врёт.”

Я замерла.

“Вы Вика?”

Сообщение ушло.

Прочитано.

Пауза.

Потом:

“Нет.”

Я сжала телефон так сильно, что заболели пальцы.

“Тогда кто?”

Ответа не было.

Я ждала.

Минуту.

Пять.

Десять.

Ничего.

Номер молчал.

Как молчал Рома все эти месяцы.

Я открыла его контакт.

“Рома ♥#”

Сердце вдруг сжалось от этого сердечка.

Когда я поставила его?

Наверное, ещё в университете. Когда он впервые остался ночевать у меня, а утром написал: “Проснулась, жена?” Хотя женой я тогда ещё не была.

Я улыбалась, глядя на экран, и добавила сердечко к его имени.

Как будто этим могла закрепить счастье.

Как будто телефонная книга была брачным договором.

Теперь это сердечко выглядело издевательством.

Я стёрла его.

Осталось просто:

“Рома”.

Чужое.

Холодное.

Почти официальное.

Я нажала вызов.

Он не ответил.

Нажала снова.

Гудки шли долго.

Потом голос:

— Абонент временно недоступен.

Я медленно опустила телефон.

Конечно.

Теперь он недоступен.

Теперь все недоступны.

Рома.

Незнакомый номер.

Правда.

Я пошла в ванную и включила холодную воду.

Умылась.

Раз.

Другой.

Третий.

Посмотрела в зеркало.

На меня смотрела женщина с белым лицом, сухими губами и глазами, в которых было слишком много бессонной ночи.

Я узнала себя не сразу.

Где та девочка, которая краснела в школьном спортзале?

Где девушка, которая верила “со мной получится”?

Где жена, которая гладила рубашки и ждала мужа к ужину?

В зеркале была не она.

В зеркале была женщина, которую обманули.

И которая пока ещё не знала, как жить дальше.

Рома вернулся не вечером.

Раньше.

Около двух дня.

Я слышала ключ в замке и даже не вздрогнула.

Сидела на диване, держа телефон на коленях.

На экране всё ещё было открыто сообщение.

“Он сказал вам, что Вика беременна?”

Роба вошёл быстро.

Слишком быстро.

Без привычной усталой медлительности.

Значит, сообщение я ему всё-таки отправила не зря.

Значит, он испугался.

— Алиса?

Он остановился в прихожей.

Я не ответила.

Он снял куртку, прошёл в комнату и замер, увидев моё лицо.

— Что случилось?

Я подняла на него глаза.

Как странно.

Ещё вчера я боялась задавать вопросы.

Сегодня страха не осталось.

Только пустота.

— Вика беременна?

Роба побледнел.

Вот и всё.

Ответ был у него на лице раньше, чем на языке.

Он открыл рот.

Закрыл.

Провёл рукой по волосам.

— Кто тебе сказал?

Я медленно кивнула.

— Спасибо.

— За что?

— За ответ.

— Алиса...

— Я спросила: Вика беременна?

Он посмотрел в сторону.

На секунду.

Но этого хватило.

— Она говорит, что да.

“Она говорит”.

Как удобно.

Будто это просто слух.

Будто она могла однажды утром прийти и заявить: “Я беременна”, а он совершенно случайно оказался в этой истории.

— От тебя? — спросила я.

Голос был не мой.

Тихий.

Спокойный.

Мёртвый.

Рома шагнул ко мне.

— Я не знаю.

Я встала.

Не потому что хотела.

Просто тело само поднялось.

— Не знаешь?

— Алиса, послушай...

— Ты не знаешь, от тебя ли беременна женщина, с которой у тебя, по твоим словам, “ничего физического”?

Он закрыл глаза.

На мгновение мне показалось, что он сейчас ударит кулаком в стену. Или закричит. Или наконец скажет правду так, чтобы между нами больше не осталось этой липкой, мерзкой недосказанности.

Но он только выдохнул:

— Я не хотел, чтобы ты узнала вот так.

У меня внутри что-то тихо оборвалось.

— Вот так?

Я почти улыбнулась.

Почти.

— А как ты хотел, Ром? За ужином? С вином? “Алиса, передай соль, кстати, любовница беременна”?

— Не говори так.

— Как?

— Любовница.

— А кто она?

Он молчал.

Я сделала шаг ближе.

— Кто она, Рома?

— Это сложно.

Вот оно.

Самое мерзкое слово в мире.

Сложно.

Когда человек не хочет сказать “я предал”, он говорит “это сложно”.

Когда не хочет признать “я врал”, он говорит “ты не поймёшь”.

Когда не хочет брать ответственность, он прячется за туман.

— Нет, — сказала я. — Это не сложно. Сложно было мне сидеть ночами и думать, почему мой муж меня больше не видит. Сложно было молчать, когда ты называл мои вопросы допросами. Сложно было верить тебе, когда всё внутри кричало, что ты врёшь. А это... это очень просто. Ты спал с другой женщиной.

Рома вздрогнул.

Будто я ударила его.

— Это было один раз.

Тишина после этих слов стала оглушительной.

Один раз.

Я смотрела на него и не могла понять, почему люди говорят это так, будто “один раз” — смягчающее обстоятельство.

Будто если нож вонзили один раз, рана должна болеть меньше.

— Один раз, — повторила я.

— Да.

— И она беременна.

— Я не знаю, точно ли...

— Но может быть от тебя.

Он не ответил.

Я отвернулась.

Потому что если бы продолжила смотреть на него, меня бы вырвало.

Комната поплыла.

Диван.

Стол.

Наши фотографии на полке.

Одна — из университета, где мы стоим в осеннем парке. Я в его шарфе, он обнимает меня сзади. У меня на лице счастье. Настоящее. Беззащитное.

Я вдруг захотела разбить эту рамку.

Не потому что ненавидела ту девочку на фото.

А потому что мне стало невыносимо её жалко.

— Когда? — спросила я.

Рома молчал.

— Я спросила, когда.

— Алиса, это неважно.

Я резко повернулась.

— Неважно?

Он сжал губы.

— Это ничего не изменит.

— Для тебя, может быть. А я хочу знать, в какой день ты пришёл домой после неё и лёг рядом со мной.

Он побледнел ещё сильнее.

— Не надо.

— Надо.

— Зачем ты себя мучаешь?

— Потому что ты уже это сделал. Я просто хочу понимать масштаб.

Рома опустил взгляд.

И сказал дату.

Тихо.

Почти шёпотом.

А я запомнила её сразу.

Даже если бы захотела забыть — не смогла бы.

Это был день, когда я готовила ему ужин и ждала до полуночи.

День, когда он пришёл с чужим запахом — не явным, нет, просто другим. Я тогда спросила, где он был, а он ответил: “Алиса, не начинай”.

День, когда я сама извинилась.

За то, что ждала.

За то, что волновалась.

За то, что почувствовала его ложь раньше, чем получила доказательство.

Я села на край дивана.

Сил больше не было.

— Ты пришёл ко мне после неё.

Рома сел напротив.

Не слишком близко.

Уже понимал, что не имеет права.

— Алиса, я был в ужасном состоянии. Мы тогда поссорились, ты помнишь? Я выпил. Вика была рядом. Это... это не оправдание, я знаю, но...

— Мы поссорились?

Я подняла на него глаза.

— Ты серьёзно сейчас?

Он замолчал.

— Мы не ссорились, Рома. Я спросила, почему ты опять поздно. А ты сказал, что я тебя контролирую. Это не ссора. Это ты сделал из моего страха обвинение, чтобы спокойно уйти к ней.

— Я не уходил к ней специально.

— Конечно. Ты просто случайно оказался в её постели.

Он резко встал.

— Хватит!

Я тоже поднялась.

— Нет. Это ты столько месяцев говорил мне “хватит”. Теперь моя очередь.

Он смотрел на меня с каким-то отчаянным раздражением. Наверное, ему хотелось, чтобы я плакала.

Чтобы кричала.

Чтобы бросалась в него обвинениями, которые он мог бы назвать истерикой.

Но я говорила слишком спокойно.

И это пугало даже меня.

— Я не хотел терять тебя, — сказал он.

Я тихо рассмеялась.

— Поэтому решил изменить?

— Я запутался.

— Нет. Ты выбрал.

— Алиса...

— Ты выбрал не говорить мне. Выбрал прятать телефон.

Выбрал смотреть мне в глаза и врать. Выбрал приходить домой и делать вид, что я сумасшедшая. Ты выбирал каждый день, Ром. Просто не меня.

Он подошёл ближе.

— Я люблю тебя.

Эти слова наконец прозвучали.

Поздно.

Так поздно, что внутри меня даже не дрогнуло.

— Не надо.

— Это правда.

— Нет.

— Алиса...

— Ты любишь, когда я жду. Когда прощаю. Когда молчу. Когда верю тебе даже без доказательств. Но меня — нет, Ром. Меня ты давно не любишь.

Он покачал головой.

— Это неправда.

— Тогда почему я всё это время была одна?

Он не ответил.

А мне больше и не нужно было.

Телефон завибрировал на столе.

Мы оба посмотрели на него.

Незнакомый номер.

Новое сообщение.

Я взяла телефон.

Рома сделал шаг ко мне.

— Не читай.

Я подняла на него глаза.

— Почему?

Он молчал.

Я открыла сообщение.

Там было всего несколько слов:

“Он просил её оставить ребёнка.”

Воздух исчез.

Будто кто-то открыл окно зимой и весь кислород выдуло наружу.

Я перечитала сообщение.

Потом посмотрела на Рому.

Он стоял неподвижно.

И я поняла.

Это правда.

— Ты просил её оставить ребёнка? — спросила я.

Рома закрыл глаза.

— Алиса...

— Отвечай.

— Я не мог сказать ей сделать аборт.

Меня будто ударили в грудь.

— А мне сказать правду мог?

— Я хотел разобраться.

— В чём?

— Мой ли это ребёнок.

— И если твой?

Он молчал.

Слишком долго.

И снова тишина сказала всё.

Я медленно отступила.

— Ты собирался оставить меня в стороне, пока сам решаешь, будет ли у тебя ребёнок от другой женщины?

— Я не знал, как сказать.

— Никак, Ром. Ты не собирался говорить. Если бы мне не написали, я бы и дальше гладила твои рубашки, пока ты решал судьбу своего будущего ребёнка с любовницей.

— Не называй её так!

Вот теперь я замерла.

Не от боли.

От ясности.

Он защитил её.

Не меня.

Не наш брак.

Не моё сердце.

Её.

Вику.

Я кивнула.

— Понятно.

— Алиса, я не это имел в виду.

— Именно это.

Я пошла в прихожую.

Механически.

Как во сне.

Достала сумку из шкафа. Ту самую, с которой когда-то приехала в Москву. Маленькую. Потёртую по краям.

Рома пошёл за мной.

— Что ты делаешь?

— Ухожу.

— Куда?

— Не знаю.

— Алиса, остановись.

Я открыла шкаф и стала бросать вещи в сумку.

Футболка.

Джинсы.

Бельё.

Косметичка.

Руки двигались сами.

— Ты сейчас на эмоциях, — сказал он.

Я даже не повернулась.

— Да, Ром. Удивительно, правда? Жена узнала, что муж изменил, любовница беременна, а он просил оставить ребёнка. И у жены почему-то эмоции.

— Послушай меня!

Он схватил меня за руку.

Не больно.

Но резко.

Я посмотрела на его пальцы на моём запястье.

Потом на него.

— Отпусти.

Он не сразу.

Но отпустил.

— Ты не можешь просто уйти, — сказал он.

— Могу.

— Мы семья.

Я медленно повернулась к нему.

— Семья?

Слово вышло почти шёпотом.

— Семья — это когда берегут. Когда не врут. Когда не приходят домой после другой женщины и не называют боль жены допросами. Семья — это не штамп, Ром. И не привычка спать в одной кровати. Семью ты разрушил не сегодня. Сегодня я просто узнала.

Он стоял передо мной.

Потерянный.

Злой.

Испуганный.

И впервые за много лет я увидела не сильного Рому, который всегда всё решает.

А мужчину, который понял: удобная Алиса больше не будет удобной.

Я застегнула сумку.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз сообщение было от мамы.

“Доченька, как ты? Что-то сердце не на месте.”

Я смотрела на экран и вдруг почувствовала, как слёзы подступают к горлу.

Мама.

Мой дом.

Моя прежняя жизнь.

Та, откуда я ушла ради него.

Рома тихо сказал:

— Не надо к маме. Мы сами разберёмся.

Я посмотрела на него.

— Нет, Ром. Мы уже не “мы”.

Эта фраза повисла между нами.

Окончательная.

Страшная.

Но честная.

Я взяла сумку.

Открыла дверь.

Рома стоял за моей спиной и молчал.

Я ждала.

Наверное, какая-то последняя глупая часть меня всё ещё ждала, что он скажет нечто такое, что остановит. Не оправ-

дание. Не “я запутался”. Не “это было один раз”.

А простое:

“Я выберу тебя. Сейчас. Окончательно. Без неё. Без лжи.”

Но он сказал другое:

— А если ребёнок мой?

Я закрыла глаза.

Вот и всё.

Вот он, настоящий выбор.

Даже сейчас не я.

Я открыла глаза и вышла.

В подъезде пахло сыростью и чужими ужинами. Лифт долго не ехал. Я стояла у двери с сумкой в руке и чувствовала, что сейчас упаду.

Но не упала.

На улице было холодно.

Москва шумела, светилась, куда-то спешила. Люди проходили мимо, разговаривали по телефону, смеялись, ругались, жили.

А я стояла у подъезда и не знала, куда идти.

Домой?

У меня больше не было дома.

К маме?

Другой город. Другая жизнь. И страшный разговор, в котором придётся сказать вслух: “Мама, он мне изменил”.

В гостиницу?

Денег почти не было.

К подруге?

В Москве близких подруг я так и не завела. Всё время было “не до того”: работа, быт, Рома, его ужины, его рубашки, его настроение, его жизнь.

Я поняла это только теперь.

В моей жизни было слишком много его.

И слишком мало меня.

Я сделала несколько шагов от подъезда.

Потом остановилась.

Внутри снова поднялась тошнота.

Резкая.

Сильная.

Я едва успела добежать до угла дома, согнуться возле пустой клумбы и зажать рот ладонью.

Меня вырвало.

Слёзы сами потекли по лицу.

Холодный ветер бил по щекам.

Я стояла, дрожа, и пыталась отдышаться.

Наверное, нервы.

Конечно, нервы.

После такого кого угодно вывернет.

Я вытерла губы салфеткой, которую нашла в кармане пальто.

И вдруг замерла.

В голове вспыхнула мысль.

Острая.

Невозможная.

Нет.

Нет-нет-нет.

Я судорожно открыла календарь в телефоне.

Посчитала дни.

Раз.

Два.

Три.

Сердце начало стучать громче.

Задержка.

Небольшая.

Всего несколько дней.

Я не заметила.

На фоне работы, тревоги, бессонных ночей, Роминых за-
держек — не заметила.

Я стояла посреди холодной улицы с сумкой в руке и смот-
рела на экран.

А потом медленно подняла глаза на окна нашей квартиры.

В одном из них горел свет.

Там был Рома.

Там осталась его чашка.

Его рубашки.

Наши фотографии.

И разрушенная жизнь.

Я развернулась и пошла.

Не домой.

Не к маме.

Не в никуда.

В ближайшую аптеку.

Пальцы дрожали, когда я положила на кассу тест.

Фармацевт даже не посмотрела на меня. Пробила покупку, назвала сумму, отдала пакет.

Обычная покупка.

Обычный вечер.

Обычная женщина покупает тест на беременность.

Только для меня это было не “обычно”.

Это была пропасть.

Я зашла в туалет маленького кафе рядом с аптекой, закрылась в кабинке и сделала всё на автомате.

Потом положила тест на край раковины.

И стала ждать.

Одна полоска появилась почти сразу.

Я смотрела на неё и не дышала.

Пожалуйста.

Пожалуйста, только не сейчас.

Только не так.

Только не от него, когда у другой женщины, возможно, тоже его ребёнок.

Вторая полоска проступала медленно.

Сначала тенью.

Потом ярче.

Чётче.

Неотвратимо.

Я схватилась за раковину.

В зеркале над ней отражалось моё лицо.

Белое.

Чужое.

С мёртвыми глазами.

На краю раковины лежал тест.

Две полоски.

Две.

Я закрыла рот ладонью, чтобы не закричать.

В этот день я узнала, что беременна Вика.

А через час — что беременна и я.

И если до этого мне казалось, что Рома разрушил моё прошлое...

теперь я поняла:

он добрался и до моего будущего.

Глава 9. Теперь нас двое

Две полоски.

Я смотрела на них и не могла пошевелиться.

В маленьком туалете кафе пахло дешёвым мылом, влажными салфетками и кофе, который доносился из зала. За дверью кто-то смеялся. Звенели чашки. Бариста громко спрашивал у посетителя, добавить ли сироп.

Обычная жизнь продолжалась.

Люди заказывали латте.

Кто-то торопился на встречу.

Кто-то спорил по телефону.

Кто-то просто сидел у окна и листал ленту.

А у меня на краю раковины лежал тест.

Две полоски.

Одна яркая.

Вторая чуть бледнее, но отчётливая.

Не призрак.

Не ошибка.

Не то, что можно списать на свет, усталость, нервы, плохое качество теста.

Я была беременна.

Я, Алиса Лебедева, жена мужчины, который, возможно, ждал ребёнка от другой женщины.

Я закрыла глаза.

Внутри не было радости.

И от этого стало больно ещё сильнее.

Я всегда думала, что если однажды увижу две полоски, то заплачу от счастья. Позвоню Роме дрожащим голосом. Скажу: “Ты станешь папой”. Он приедет, подхватит меня на руки, закружит, рассмеётся, прижмёт ладонь к моему животу, хотя там ещё ничего не будет видно.

Мы будем сидеть на кухне, пить чай, строить планы.

Выбирать имена.

Спорить, на кого будет похож малыш.

Я буду бояться, но это будет светлый страх.

Страх перед новым.

Перед большим.

Перед настоящим счастьем.

А сейчас я стояла в туалете чужого кафе с сумкой у ног, с разбитым браком за спиной и телефоном, который вибрировал в кармане снова и снова.

Рома звонил.

Первый звонок я сбросила.

Второй тоже.

На третий просто смотрела, пока экран не погас.

“Рома”.

Без сердечка.

Как же быстро человек становится чужим.

Ещё утром его имя в телефоне было частью моей жизни.

Теперь — угрозой.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз сообщение.

“Где ты?”

Я посмотрела на тест.

Потом на своё отражение.

Белое лицо. Красные глаза. Волосы выбились из хвоста.

Губы дрожат.

— Где я? — прошептала я.

Я сама не знала.

Не в кафе.

Не в Москве.

Не в браке.

Я была где-то между прошлой жизнью и новой, которая только что появилась на маленькой пластиковой полоске.

Я положила ладонь на живот.

Осторожно.

Неловко.

Почти испуганно.

Там ничего не изменилось. Живот был таким же плоским, мягким, обычным. Никаких признаков. Никакой магии. Никакого мгновенного материнского озарения, о котором пишут в книгах.

Только страх.

Но под страхом вдруг появилось что-то другое.

Тихое.

Очень маленькое.

Как первая искра в пепле.

“Теперь я не одна”.

Эта мысль пришла неожиданно.

И сразу перевернула всё.

Я больше не могла позволить себе рассыпаться окончательно.

Не могла выйти на улицу и идти куда глаза глядят.

Не могла замёрзнуть на лавочке, потому что не знала, кому позвонить.

Не могла вернуться к Роме только потому, что мне страшно.

Теперь во мне был кто-то ещё.

Крошечный.

Беззащитный.

Ничего не знающий о Вике, о лжи, о чужих сообщениях, о том, как больно бывает, когда любимый человек выбирает не тебя.

Я вытерла лицо салфеткой.

Потом ещё одной.

Спрятала тест в пакет, пакет — в сумку.

Открыла дверь кабинки и вышла к раковине.

Вымыла руки.

Долго.

Слишком долго.

Вода была холодной. Я смотрела, как она течёт по пальцам, и думала: вот бы так же смыть сегодняшнее утро. Вче-

рашнюю ночь. Фото. Имя. Его паузы. Его “не накручивай”.

Но вода смывает только следы с кожи.

Не предательство.

Я вышла из кафе.

На улице уже темно.

Москва сияла витринами, фарами, окнами, рекламой. Город был огромным, громким, равнодушным. Он не замечал женщин, которые стоят у входа в кафе с тестом в сумке и не знают, куда идти.

Я достала телефон.

Десять пропущенных от Ромы.

Пять сообщений.

“Алиса, ответь.”

“Ты где?”

“Не делай глупостей.”

“Вернись домой.”

“Нам надо поговорить.”

Нам.

Как легко он снова написал “нам”.

Будто это слово ещё имело право существовать.

Я открыла последнее сообщение и набрала:

“Мне нужно побыть одной.”

Палец завис над кнопкой отправки.

Я стерла.

Нет.

Так слишком мягко.

Он снова решит, что я просто обиделась.

Что поплачу, подумаю и вернусь.

Что достаточно будет сказать “я запутался”, “это было один раз”, “ты моя жена”.

Я написала другое:

“Я не вернусь сегодня.”

Отправила.

Ответ пришёл почти мгновенно.

“Куда ты пойдёшь?”

Я смотрела на экран.

Куда?

Хороший вопрос.

У меня не было ответа.

Я открыла список контактов.

Мама.

Палец замер.

Позвонить?

Сказать?

“Мам, он изменил.”

“Мам, у него беременная любовница.”

“Мам, я тоже беременна.”

Нет.

Я не смогла.

Не потому что не доверяла ей.

Наоборот.

Потому что знала: как только услышу её голос, сломаюсь

окончательно. Заплачу так, что уже не смогу говорить. А мама испугается. Начнёт спрашивать. Просить купить билет, вернуться, не оставаться одной.

А я пока не могла вернуться.

Не могла снова стать дочкой, которую нужно спасать.

Мне нужно было хотя бы на одну ночь стать взрослой.

По-настоящему.

Я нашла ближайшую недорогую гостиницу.

Цена была неприятной, но терпимой. На одну ночь хватит.

А дальше... дальше надо будет думать.

Я заказала такси.

Пока ждала машину, телефон снова зазвонил.

Рома.

Я не ответила.

Он позвонил ещё раз.

И ещё.

Потом написал:

“Алиса, хватит. Ты пугаешь меня.”

Я тихо рассмеялась.

Он испугался.

Наконец-то.

Не тогда, когда я ночами ждала его на кухне.

Не тогда, когда просила ответить на простой вопрос.

Не тогда, когда он защищал Вику.

А сейчас.

Когда понял, что я ушла.

Я набрала:

“Не надо бояться. Ты же хотел подумать.”

Отправила.

На этот раз он не ответил сразу.

Наверное, понял.

Наверное, вспомнил свою записку.

“Мне нужно подумать. Не накручивай себя.”

Теперь думать предстояло мне.

Такси подъехало через семь минут.

Водитель молча открыл багажник, но я покачала головой — сумка была маленькая, я взяла её на колени. Машина тронулась.

Я смотрела в окно.

Москва проплывала мимо мокрыми улицами, огнями аптек, остановками, уставшими людьми под зонтами. В отражении стекла было видно моё лицо.

И вдруг я подумала: а если это правда?

Если Вика беременна от него.

Если мой ребёнок и её ребёнок появятся почти одновременно.

Если Рома будет разрываться между двумя женщинами, двумя жизнями, двумя детьми.

Нет.

Я зажмурилась.

Не надо туда.

Не сейчас.

Сначала врач.

Сначала подтвердить.

Сначала понять срок.

Сначала дышать.

Просто дышать.

В гостинице администратор даже не подняла на меня внимательного взгляда.

— Паспорт.

Я достала документы.

Руки всё ещё дрожали.

— На одну ночь? — спросила она.

— Да.

Голос прозвучал хрипло.

— Оплата сразу.

Я кивнула.

Обычная процедура заняла несколько минут, но мне казалось, что я стою у стойки вечность. Что все знают. Что на моём лице написано: “Муж изменил, любовница беременна, я тоже”.

Но людям было всё равно.

И в этом вдруг оказалось спасение.

Комната была маленькая.

Кровать, тумбочка, шкаф, узкое окно с видом на стену соседнего здания. Постельное бельё слишком белое, воздух слишком сухой, стены слишком тонкие.

Не дом.

Но сейчас мне и не нужен был дом.

Мне нужен был замок.

Дверь, которую можно закрыть изнутри.

Я поставила сумку на пол.

Села на кровать.

И только тогда заплакала.

Не красиво.

Не тихо.

Не так, как плачут героини в кино, у которых слёзы аккуратно катятся по щекам.

Я плакала в ладони, задыхаясь, сгибаясь пополам, будто меня выворачивало изнутри. Плакала по девочке в школьном спортзале. По девушке у подъезда. По жене, которая гладила рубашки. По всем версиям себя, которые верили Роме.

Плакала по ребёнку, которому досталась такая мать — растерянная, разбитая, не готовая.

— Прости, — прошептала я, прижимая ладонь к животу.
— Прости меня.

Я не знала, за что извиняюсь.

За то, что не радуюсь как надо.

За то, что не могу сейчас думать только о нём.

За то, что выбрала ему такого отца.

Телефон снова завибрировал.

Я хотела выключить звук, но на экране увидела не Рому.

Мама.

Сердце сжалось.

Я смотрела на входящий вызов, пока глаза снова не наполнились слезами.

Ответить?

Не ответить?

В конце концов я нажала зелёную кнопку.

— Алло?

— Алиса? — Мамин голос был тревожным. Сонным. Родным. — Доченька, что случилось?

И всё.

Я больше не смогла держаться.

— Мам...

Одно слово.

А она уже поняла.

— Где ты?

— В гостинице.

— Почему?

Я закрыла глаза.

— Мы с Ромой поссорились.

Пауза.

Мама молчала всего секунду, но я знала: она услышала больше.

— Он тебя обидел?

Господи.

Как просто.

Не “что ты сделала”.

Не “может, ты преувеличиваешь”.

Не “семья — это терпение”.

А сразу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.